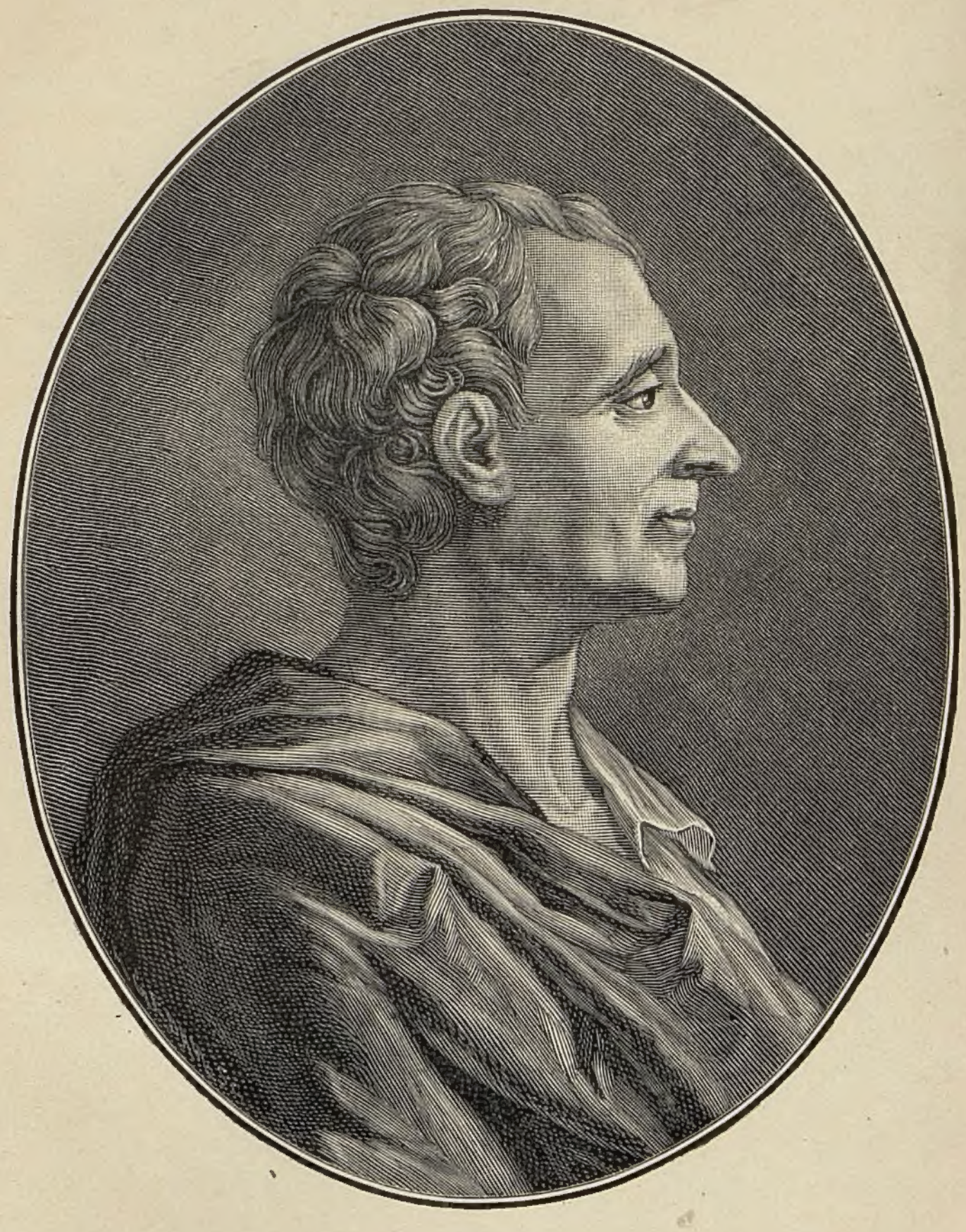
дозв. ценз. спб. 25 сентября 1892 г.

тип. тов. „общ. польза“ в. подъяч., 39



Монтескье.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

МОНТЕСКЬЁ

ЕГО ЖИЗНЬ И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. А. Никонова

Съ портретомъ Монтескьё, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 марта 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе 5

I. Дѣтство и юность 9

II. Начало литературной дѣятельности и „Персидскія письма“. 18

III. Жизнь въ Парижѣ и путешествія 26

IV. Частная жизнь Монтескье и „Размышленія о причинахъ величія и паденія римлянъ“ 42

V. „Духъ Законовъ“. Содержаніе „Духа Законовъ“ и политическіе взгляды Монтескье 51

VI. Послѣдніе годы жизни и смерть Монтескье 75

ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ:

1. *Albert Sorel.*—Montesquieu.

2. *Milsand.*—Montesquieu et sa philosophie politique.

3. *Louis Vian.*—Histoire de Montesquieu.

4. *Bardoux.*—Les legistes, leurs influence sur la société française.

5. *Ed. Laboulaye.*—Etudes sur «l'Esprit des lois» de Montesquieu.

6. *Paul Janet.*—Histoire de la science politique.

ВВЕДЕНІЕ.

Немного найдется писателей, которые оказали бы такое глубокое и плодотворное вліяніе на своихъ современниковъ, на монарховъ и государственныхъ дѣятелей, на послѣдующія поколѣнія, и даже на положительное законодательство почти всѣхъ странъ Европы, какое несомнѣнно имѣлъ Монтескье.

Кромѣ того имъ не мало сдѣлано для политическихъ наукъ и для исторіи. Онъ былъ вторымъ послѣ Вико писателемъ, не только догадывавшимся, что историческими событіями правитъ не слѣпой случай или произволъ, но убѣжденнымъ въ томъ, что въ этой области, какъ и во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ, все совершается по закону причинной связи. Онъ вполнѣ справедливо считается однимъ изъ основателей науки государственнаго права и предтечей нѣмецкой исторической школы правовѣдовъ. Но главная заслуга Монтескье передъ человѣчествомъ и главное его значеніе въ томъ, что онъ первый познакомилъ Европу съ англійскими государственными учрежденіями, что онъ первый понялъ ихъ значеніе и достоинства... Въ XIX вѣкѣ эти учрежденія въ нѣсколько измѣненномъ видѣ были заимствованы всею Европою и стали весьма важнымъ факторомъ европейской культуры и цивилизаціи.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда писалъ Монтескье, еще только намѣчалась та масса самыхъ близкихъ для человѣка вопросовъ, которые впослѣдствіи были выдвинуты мыслителями этой эпохи. Умы невольно обращались къ изслѣдованію условій общественной жизни, находившихся въ явномъ несоотвѣтствіи съ народившимися и сознанными потребностями. Вездѣ въ Европѣ, кромѣ

Англіи, царилъ абсолютизмъ; личность была подавлена и массы находились въ полу-рабскомъ состояніи. На континентѣ Европы того времени не существовало человѣка и гражданина: были—дворяне, духовные, ремесленники, крѣпостные, свободные крестьяне, купцы, но внѣ этихъ узкихъ сословныхъ рамокъ человѣкъ самъ по себѣ былъ ничто, такъ какъ государство того времени не хотѣло знать такого человѣка и признавало его только подъ какимъ нибудь ярлыкомъ.

Протестъ личности противъ вѣкового гнета, противъ сословныхъ рамокъ, стѣснявшихъ ея дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ, составляетъ лозунгъ философіи XVIII вѣка.

Особенно ярко и рѣзко протестъ этотъ выразился во Франціи. Блестящее по внѣшности царствованіе Людовика XIV истощило страну; королевскій произволъ и злоупотребленія большихъ и малыхъ властей дошли до крайнихъ предѣловъ; экономическія силы страны были подорваны; власть теряла свой авторитетъ въ глазахъ всѣхъ. Чувствовалось, что такое положеніе долго продолжаться не можетъ,—и мысль «философовъ» работала, раскрывая обществу глаза на настоящее и указывая на перспективы лучшаго будущаго.

Если Вольтеръ можетъ считаться наиболѣе типичнымъ представителемъ своего вѣка въ области вѣрованій и убѣжденій, если Руссо горячо призываетъ къ братскому единенію между людьми, то Монтескье является апостоломъ политическаго гражданства. Онъ прежде всего человѣкъ и гражданинъ и всегда и вездѣ ищетъ и указываетъ тѣ пути, какими человѣчество должно идти, чтобы признать и уважать гражданина въ каждомъ человѣкѣ.

Но Монтескье не сразу былъ вполнѣ понятъ и оцѣненъ своими соотечественниками. Сравнительная умѣренность его взглядовъ, нѣкоторая доля сословныхъ предразсудковъ, не чуждыхъ его произведеніямъ, на каждомъ шагу встрѣчаемыя въ нихъ указанія на необходимость считаться съ дѣйствительностью и съ наслѣдіемъ исторіи, все это не могло прійтись по вкусу французскому обществу XVIII вѣка, готовившемуся къ коренному пересмотру всего общественнаго строя. Болѣе смѣлыя, чисто раціоналистическія построенія другихъ его великихъ современниковъ лучше отвѣчали господствующему настроенію. «Персидскія письма», гораздо менѣе глубокія

въ философскомъ отношеніи, чѣмъ «Духъ Законовъ», приняты лучше, чѣмъ это послѣднее произведеніе, и читались во всякомъ случаѣ больше. Это потому, что Монтескье написалъ «Персидскія письма» въ то время, когда самъ еще почти вполнѣ подчинялся господствующему направленію и не успѣлъ занять еще того самостоятельнаго положенія въ умственномъ движеніи своего вѣка, которое занялъ впослѣдствіи съ выходомъ въ свѣтъ «Духа Законовъ». Но за то внѣ предѣловъ Франціи, въ остальной Европѣ, гдѣ не было такого противорѣчія между настроеніемъ общества и дѣйствительностью, или потому, что эта дѣйствительность лучше отвѣчала назрѣвшимъ потребностямъ, какъ напримѣръ въ Англіи, или же потому, что само общество не было настолько подготовлено къ освобожденію отъ сковывавшихъ его узъ, какъ на континентѣ Европы,—тамъ Монтескье скоро нашелъ ревностныхъ приверженцевъ, старавшихся провести его идеи въ жизнь, и между этими приверженцами его взглядовъ встрѣчаются монархи и извѣстнѣйшіе государственные дѣятели.

Екатерина II, увлекавшаяся въ юности французской философіей вообще, остановилась на сочиненіяхъ Монтескье, потому что въ нихъ нашла болѣе всего приложимыхъ къ жизни указаній, которыми, какъ ей казалось, можно будетъ воспользоваться. Она включила въ свой знаменитый «Наказъ» много взглядовъ, заимствованныхъ у Монтескье, и сама писала, что «изрядно обобрала г-на президента для блага своихъ подданныхъ». Грандіозная затѣя Екатерины не удалась, потому что была задумана слишкомъ широко, да и взгляды самой императрицы, подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ событій, успѣли измѣниться; но ея «Наказъ» не остался безъ вліянія на направленіе нашего дальнѣйшаго законодательства, а провозглашеніе съ высоты трона великихъ освободительныхъ идей послужило сильнымъ толчкомъ къ самосознанію русскаго общества.

Прусскій кодексъ 1792 г. составленъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Духа Законовъ», и дѣятельность извѣстнаго прусскаго министра-реформатора Штейна получала вдохновеніе изъ того же источника. Вашингтонъ былъ знакомъ съ произведеніями Монтескье, и американская конституція составлена не безъ заимствованій изъ его великаго творенія. Въ Англіи Блекстонъ, до

сихъ поръ считающійся авторитетнѣйшимъ знатокомъ по государственному праву, только развивалъ идеи Монтескье.

Что касается Франціи, то и здѣсь въ революціонную эпоху дѣлались попытки приложить на практикѣ идеи Монтескье, окончившіяся неудачей, такъ какъ идеи эти были поняты слишкомъ буквально и доведены до уродливой крайности. Я говорю о конституціяхъ 1791 г. и VIII года республики, представлявшихъ черезъ чуръ послѣдовательное и узко понятое примѣненіе ученія Монтескье о раздѣленіи властей и просуществовавшихъ весьма не долго.

Даже люди, придерживавшіеся въ своей политической дѣятельности направленій, рѣзко расходящихся съ личными взглядами Монтескье, почерпали изъ его произведеній много полезныхъ указаній, аргументовъ и теорій. Конечно они брали то, что̀ имъ было нужно въ данную минуту, умалчивая о томъ, что̀ противорѣчило ихъ дѣятельности, — и всегда находили что нибудь пригодное для себя, такъ какъ Монтескье, будучи сторонникомъ извѣстнаго государственнаго строя для своей родины въ свое время, не считалъ его абсолютно пригоднымъ всегда и вездѣ. Онъ старался понять и оцѣнить всевозможныя формы политическихъ учрежденій; поэтому-то изъ его произведеній и могли черпать небезполезныя указанія даже люди, которые были бы его политическими врагами, еслибы жили съ нимъ въ одно время, и поэтому его произведенія долго еще не утратятъ своего значенія, какія бы измѣненія государственнаго строя ни суждено было въ будущемъ пережить Европѣ.

I.

Дѣтство и юность.

Предки и родители Монтескье.—Первые годы дѣтства.—Пребываніе въ колледжѣ.—Изученіе права.—Смерть отца и женитьба.

Шарль-Луи Секонда баронъ де Ла-Бредъ и де Монтескье родился въ замкѣ Ла-Бредъ близъ Бордо 18-го января 1689 года.

Фамилію Монтескье, получившую всемірную извѣстность, онъ принялъ впослѣдствіи, въ 1716 году, когда его бездѣтный дядя, которому эта фамилія принадлежала, подъ условіемъ ея принятія завѣщалъ ему все свое достояніе, состоявшее въ обширныхъ земляхъ, въ домѣ въ Бордо и въ должности президента бордоскаго парламента.

Монтескье принадлежалъ къ довольно знатной дворянской фамиліи. Его предки еще въ хроникахъ XVI вѣка упоминаются въ качествѣ вассаловъ и придворныхъ наварскихъ королей, а въ XVII вѣкѣ его прадѣдъ Якобъ Секонда получаетъ отъ Генриха IV баронское достоинство.

Родъ Монтескье принадлежалъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ дворянскихъ родовъ Франціи, которые сохранили живую связь съ провинціей, не растратили окончательно своего достоянія и не обратились въ льстивыхъ и жалкихъ придворныхъ Короля-Солнца. Этому конечно въ значительной степени благопріятствовало то обстоятельство, что еще дѣдъ Монтескье Жанъ-Батистъ-Гастонъ Секонда занималъ должность парламентскаго президента въ Бордо и что должность эта, по законамъ того времени, переходила затѣмъ къ старшему члену рода. Младшіе

члены фамиліи также занимали должности въ провинціальной магистратурѣ и администраціи и жили въ Парижѣ лишь временно.

Дѣло въ томъ, что французское дворянство того времени рѣзко дѣлилось на родовое и служилое. Родовое дворянство, насчитывавшее длинный рядъ благородныхъ предковъ, имѣло доступъ ко двору, занимало придворныя должности и служило въ королевской арміи; служилое-же дворянство, не имѣвшее свободнаго доступа ко двору, занимало должности по гражданской администраціи и главнымъ образомъ наполняло собою ряды магистратуры. Многія должности составляли частную собственность занимавшаго ихъ лица и могли передаваться по наслѣдству или просто продаваться въ другія руки съ весьма незначительными ограниченіями. Французскіе короли, имѣя постоянную нужду въ деньгахъ, создали массу должностей, съ обладаніемъ которыми было связано пріобрѣтеніе дворянства, и торговали этимъ товаромъ весьма бойко. Такимъ образомъ въ среду высшихъ сословій вливался постоянно свѣжій потокъ самыхъ энергичныхъ элементовъ буржуазіи,—и служилое дворянство дѣйствительно составляло самую бодрую и здоровую часть привилегированныхъ классовъ Франціи. Но конечно родовая знать смотрѣла на него свысока—съ тайною завистью и явнымъ презрѣніемъ.

Монтескье принадлежалъ по рожденію къ родовой знати, но его предки предпочли блеску придворной жизни хозяйство въ своихъ помѣстьяхъ и парламентскую службу, что̀ указываетъ уже на значительную долю независимости ихъ взглядовъ и характеровъ. Для характеристики предковъ Монтескье слѣдуетъ упомянуть еще здѣсь о томъ, что, принявъ въ свое время протестантизмъ, они вновь перешли въ католичество вмѣстѣ съ Генрихомъ IV, когда того потребовали обстоятельства, и выдвинулись на службѣ при самомъ просвѣщенномъ и либеральномъ дворѣ наварскихъ королей.

О родителяхъ Монтескье намъ извѣстно не многое. Отецъ его, какъ младшій братъ въ семьѣ, не получилъ родовыхъ земель, но за то за женою взялъ въ приданое замокъ Ла-Бредъ, въ которомъ и жилъ бо̀льшую часть своей жизни, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ должность синдика города Бордо. Это былъ человѣкъ, довольно просвѣщенный для своего времени, подобно своимъ предкамъ независимый во взглядахъ и мнѣніяхъ, гордый своимъ благородствомъ

происхожденіемъ, но видѣвшій свое достоинство не въ одной близости къ особѣ Короля-Солнца. Онъ былъ не дурной хозяинъ и хорошій семьянинъ.

Мать Монтескье, происходившая изъ англійской фамиліи Пенель, оставшейся во Франціи послѣ удаленія англичанъ по окончаніи столѣтней войны, была женщина не глупая, очень религіозная и склонная къ мистицизму. Она умерла рано, когда Монтескье было всего семь лѣтъ, оставивъ на рукахъ его отца шестерыхъ дѣтей.

Отецъ Монтескье написалъ краткую характеристику своей жены, желая, какъ говоритъ онъ, чтобы его дѣти имѣли хоть какое нибудь представленіе о своей матери, которую нѣкоторые изъ нихъ совершенно не могли помнить.

«Она была средняго роста,—пишетъ онъ—безконечно кротка и обладала чуднымъ лицомъ. У нея былъ чисто мужской умъ, способный интересоваться серьезными дѣлами; она не имѣла пристрастія къ пустякамъ. Къ дѣтямъ своимъ она питала невыразимую нѣжность. Ея обыкновеннымъ чтеніемъ было Евангеліе. Я нашелъ послѣ ея смерти плеть для бичеванья и желѣзный поясъ, которые она употребляла при жизни, но о существованіи которыхъ я не зналъ».

* * *

Монтескье былъ крещенъ въ приходской церкви, находившейся подъ патронатомъ его отца. Крестнымъ отцомъ его былъ нищій, по имени Шарль, въ честь котораго и онъ также получилъ это имя. Въ молитвенникѣ одной крестьянки сохранилась замѣтка объ этомъ крещеніи. «Крестнымъ отцомъ былъ нищій Шарль,—пишетъ она,—чтобы постоянно напоминать ему (т. е. Монтескье), что бѣдные—его братья. Да сохранитъ Богъ это дитя!» Обычай дѣлать воспріемниками своихъ дѣтей нищихъ былъ довольно распространенъ во Франціи, да и у насъ въ дореформенную эпоху въ помѣщичьей средѣ нерѣдко практиковалось то же самое.

Вскорѣ послѣ рожденія ребенокъ былъ сданъ кормилицѣ-крестьянкѣ и находился на ея попеченіи втеченіи первыхъ трехъ лѣтъ своей жизни на одной изъ пяти мельницъ, имѣвшихся при замкѣ. Ребенокъ родился слабымъ, но молоко здоровой кормилицы

и можетъ быть простота обстановки закалили и укрѣпили его организмъ.

Пребываніе на мельницѣ до трехлѣтняго возраста несомнѣнно имѣло значеніе для всей послѣдующей жизни Монтескье. Онъ конечно не сохранилъ объ этомъ времени воспоминаній, но здѣсь впервые выучился говорить на мѣстномъ гасконскомъ нарѣчіи и не забылъ этого нарѣчія впослѣдствіи, благодаря тому, что поддерживалъ и потомъ, когда его взяли въ замокъ, дружескія отношенія со своимъ молочнымъ братомъ Жаномъ Демарреномъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся пастухомъ, и вѣроятно съ другими своими сверстниками — крестьянскими ребятишками. Демарренъ до того привязался къ Монтескье, что всю жизнь сохранялъ къ нему самыя лучшія чувства и впослѣдствіи даже пѣшкомъ ходилъ въ Парижъ, чтобы повидаться съ другомъ дѣтства. Когда Монтескье минуло три года, его взяли въ замокъ. Изъ этого періода его жизни до самой отдачи въ коллежъ намъ ничего неизвѣстно, но несомнѣнно, что мать принимала извѣстное участіе въ его воспитаніи, такъ какъ Монтескье самъ свидѣтельствуетъ, что она выучила его молитвамъ.

Несомнѣнно только, что уже въ эту пору Монтескье полюбилъ свою Гіэнь, свой замокъ и мѣстный жаргонъ, слѣды котораго встрѣчаются во всѣхъ его произведеніяхъ. Монтескье даже любилъ щегольнуть въ разговорѣ мѣткой и смѣлой «гаскопадой», остроумнымъ замѣчаніемъ, пословицей, присказкой; а черты гасконскаго характера — насмѣшливое остроуміе, живость, подвижность, неустанная любознательность —составляютъ его отличительныя особенности. Замокъ Ла-Бредъ всю жизнь былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Монтескье, а другой великій гасконецъ—Монтэнь—его любимымъ авторомъ.

Франція того времени еще не была раздѣлена на чисто административные округа, утратившіе почти всякія мѣстныя особенности; напротивъ, каждая провинція сохраняла ясные слѣды своей особой исторической жизни, носила своеобразную физіономію, пользовалась часто особымъ правомъ, а Гіэнь сохранила черты своего прошлаго свѣжѣе и ярче, чѣмъ другія провинціи, такъ что даже въ настоящее время гасконцы не утратили окончательно своей самобытности. Эта живописная страна съ разнообразной расти-

тельностью, съ мягкимъ и здоровымъ климатомъ подвергалась постояннымъ вторженіямъ новыхъ и новыхъ племенъ, изъ которыхъ каждое оставило свой слѣдъ и часть своего генія. Римляне внесли сюда утонченность и пониманіе искусства, готы посѣяли ученіе Арія, арабы—свою богатую культуру, Карлъ Великій—католицизмъ, англичане втеченіи почти трехсотъ-лѣтняго своего господства — зачатки муниципальнаго самоуправленія и наконецъ альбигойцы и Генрихъ II — религіозныя смуты и войны. Подъ вліяніемъ всего пережитаго страною складывался гасконскій характеръ—подвижной, смѣлый, насмѣшливый, нѣсколько фривольный, хитрый, съ значительной примѣсью скептицизма.

* * *

Едва Монтескье минуло семь лѣтъ, какъ неожиданно умерла въ родахъ его мать, причемъ на рукахъ отца осталось шестеро малолѣтнихъ дѣтей: Марія, Шарль-Луи, Тереза, Жозефъ, Шарль-Луи-Жозефъ и Марія-Анна.

Заботы объ ихъ воспитаніи сильно стѣсняли его, тѣмъ болѣе, что старшей Маріи было всего 9 лѣтъ. Вслѣдствіе этого, какъ только старшій сынъ, составляющій предметъ настоящаго очерка, достигъ десятилѣтняго возраста, отецъ рѣшился отдать его въ коллежъ. Выбранъ былъ для этой цѣли коллежъ ораторіи Жюилли близъ Мо, такъ какъ онъ пользовался заслуженной извѣстностью и въ педагогическомъ, и въ гигіеническомъ отношеніи. Въ числѣ его преподавателей значилось нѣсколько извѣстныхъ въ свое время въ богословской литературѣ именъ, а мѣстоположеніе въ серединѣ прекраснаго парка позволяло воспитанникамъ хоть въ свободные часы дышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ.

11-го августа 1700 года Монтескье вступилъ въ этотъ коллежъ.

Не смотря на то, что коллежъ принадлежалъ ораторіи и преподавателями его состояли исключительно духовныя лица, само преподаваніе не носило исключительно клерикальнаго характера; напротивъ, главное вниманіе было обращено на изученіе литературы, особенно классической. Монтескье самъ заявлялъ впослѣдствіи, что, получивъ воспитаніе въ этомъ коллежѣ, онъ тѣмъ не менѣе не знаетъ истинной сущности католической религіи. Но за

то онъ прекрасно изучилъ классическую литературу и здѣсь впервые увлекся принципами философіи стоиковъ, проникся уваженіемъ къ древности, къ республиканскимъ учрежденіямъ и къ гражданской свободѣ.

Ранняя потеря матери и воспитаніе въ коллежѣ вдали отъ остальной семьи наложили свою печать на характеръ Монтескье, и этимъ вѣроятно объясняется нѣкоторая его сухость, сдержанность въ выраженіи своихъ чувствъ и замкнутость. Монтескье даже въ юности не отдавался вполнѣ, безъ размышленія, ни одному порыву.

* * *

Въ 1705 году 11-го-же августа, день въ день черезъ пять лѣтъ послѣ поступленія въ коллежъ, Монтескье окончилъ курсъ и поѣхалъ къ отцу въ родной замокъ.

Отецъ Монтескье предназначалъ сына къ магистратурѣ сообразно семейнымъ традиціямъ, и вѣроятно въ это время въ семьѣ уже было рѣшено, что послѣ смерти дяди должность президента бордоскаго парламента перейдетъ къ нему; а поэтому лишь только юноша пріѣхалъ домой, какъ его засадили за изученіе права.

Это занятіе въ то время представляло огромныя трудности. Во Франціи право почти не было кодифицировано; рядомъ съ ордонансами королей, совершенно не приведенными въ какую-бы то ни было систему, дѣйствовали право римское и каноническое, разнообразные и несхожіе мѣстные обычаи. Кромѣ того надо было поглотить необъятную литературу всевозможныхъ комментаріевъ. Поглотить всю эту массу матеріала и не затеряться въ мелочахъ, не сдѣлаться приказнымъ крючкотворомъ представлялось подвигомъ, недоступнымъ обыкновенному уму,—и здѣсь-то Монтескье впервые обнаружилъ силу своего генія. Онъ весьма быстро ориентировался во всей этой грудѣ текстовъ и составилъ планъ своихъ дальнѣйшихъ занятій, сохранившійся въ его бумагахъ, благодаря чему, онъ и не потерялся въ томъ хаосѣ, а напротивъ вынесъ изъ своихъ занятій много общихъ идей и пониманіе значенія права, какъ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ государственной жизни. Очень можетъ быть, что уже въ это время въ его головѣ

началъ слагаться неясный планъ великаго творенія, прославившаго его имя. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи Монтескье писалъ о своихъ юношескихъ занятіяхъ юриспруденціей: «по выходѣ изъ коллежа мнѣ въ руки сунули книги по правовѣдѣнію, и я сталъ искать идею права».

Но изученіе права не поглощало всего времени Монтескье. Какъ человѣкъ живой, умный и блестящій, онъ любилъ общество, въ которомъ сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ разностороненъ для того, чтобы похоронить себя на вѣкъ въ грудѣ хотя-бы самыхъ почтенныхъ книгъ.

Въ то время Бордо представлялъ собою одинъ изъ выдающихся провинціальныхъ центровъ интеллектуальной жизни Франціи. Тамъ былъ цѣлый кружокъ просвѣщенныхъ лицъ, главнымъ образомъ изъ адвокатовъ и членовъ магистратуры, интересовавшихся литературой, наукой и искусствомъ и работавшихъ совмѣстно. Изъ этого кружка впослѣдствіи возникла Бордоская академія, открытая съ разрѣшенія короля въ 1713 году. Монтескье былъ радушно принятъ въ этомъ кружкѣ, но не ограничивалъ имъ своихъ знакомствъ: онъ бывалъ всюду и со многими изъ знакомыхъ этого періода своей жизни оставался въ дружескихъ отношеніяхъ до самой смерти.

Монтескье любилъ и дамское общество и въ немъ пользовался не меньшимъ успѣхомъ. Но онъ лично кажется во всю свою жизнь ни разу серьезно не любилъ ни одной женщины. Бывали конечно увлеченія, но разсудочность и скептицизмъ брали свое. Онъ вообще относился къ женщинамъ довольно презрительно и предпочиталъ не особенно красивыхъ. «Некрасивыя женщины обладаютъ граціей, что̀ рѣдко встрѣчается среди красивыхъ,—писалъ онъ —Я былъ довольно счастливъ, привязываясь къ женщинамъ. любви которыхъ я довѣрялъ. Лишь только увѣренность эта исчезала, я моментально развязывался съ ними».

Худой, невысокаго роста, съ живымъ взглядомъ, съ насмѣшливой улыбкой на устахъ. онъ не былъ особенно красивъ, но зато отличался изяществомъ всей фигуры. каждой черты лица и рѣдкой правильностью профиля. Разговоръ его былъ образенъ, живъ. остроуменъ. Онъ пересыпалъ его при случаѣ колкими и ѣдкими

замѣчаніями, веселыми шутками, необыкновенными сравненіями, смѣлыми парадоксами.

* * *

Въ 1713 году умеръ отецъ Монтескье, и дядя, ставшій его опекуномъ, чисто по-римски понялъ свои обязанности и постарался какъ можно скорѣе женить племянника на дѣвушкѣ съ хорошимъ приданымъ и опредѣлить его на службу въ парламентъ, пока въ качествѣ члена. Дядя дѣятельно подыскивалъ невѣсту для Монтескье и остановилъ свой благосклонный выборъ на Жаннѣ Лартигъ. Это была безобразная, хромая дѣвушка, обладавшая зато солиднымъ приданымъ, заключавшимся въ ста тысячахъ ливровъ денегъ и въ наслѣдственныхъ правахъ на помѣстье ея отца—Клеракъ.

Бракъ Монтескье едва не разстроился, такъ какъ невѣста была ревностной кальвинисткой, а послѣ отмѣны Нантскаго эдикта не только потомство отъ браковъ кальвинистовъ съ католиками считалось незаконнымъ, но и самый фактъ принадлежности къ запрещенной религіи разсматривался какъ уголовное преступленіе. Объ обращеніи невѣсты въ католичество не могло быть и рѣчи. Пришлось обойти законъ, что̀ удалось сдѣлать безъ труда, такъ какъ католическому священнику, вѣнчавшему Монтескье, не пришло и въ голову освѣдомляться о вѣроисповѣданіи невѣсты. Совершенъ былъ бракъ 30-го апрѣля 1715 года безъ всякой торжественности всего при двухъ свидѣтеляхъ, изъ которыхъ одинъ едва умѣлъ расписаться въ церковной книгѣ.

Монтескье, по свидѣтельству его друзей, никогда не любилъ своей жены. Въ семьѣ онъ искалъ только продолженія своего рода. Но его семейная жизнь шла тихо и покойно, можетъ быть благодаря безцвѣтности и покорности жены, примирившейся со своимъ положеніемъ и переносившей повидимому довольно хладнокровно неоднократныя измѣны супружеской вѣрности со стороны Монтескье, о которыхъ она не могла не знать.

Въ «Духѣ Законовъ» мы находимъ его взгляды на бракъ. «Дѣвушки, для которыхъ только съ бракомъ открываются удовольствія и свобода,—говоритъ онъ,—которыя обладаютъ умомъ, не осмѣливающимся думать, сердцемъ, не смѣющимъ чувствовать,

ушами, не смѣющими слышать, и глазами, не смѣющими видѣть,— дѣвушки достаточно расположены къ браку; но юношей къ нему приходится побуждать. Такъ какъ роскошь монархіи дѣлаетъ бракъ дорогимъ и обременительнымъ, то побужденіемъ къ нему должно служить богатство, которое могутъ принести съ собою жены, и надежды на потомство».

Надежды Монтескье на потомство оправдались очень скоро, и черезъ годъ послѣ женитьбы у него родился сынъ.

II.

Начало литературной дѣятельности и «Персидскія письма».

Монтескье президентъ парламента.—Бордоская академія.—Первые труды Монтескье.—«Персидскія письма».—Состояніе Франціи во время выхода ихъ въ свѣтъ.—Ихъ значеніе и содержаніе.—Отношенія къ «Персидскимъ письмамъ» автора, общества и властей.

Въ 1716 году, какъ уже сказано въ началѣ первой главы, умеръ дядя Монтескье, и онъ двадцати-семилѣтнимъ юношей занялъ видное положеніе президента парламента. О томъ, какъ цѣнилась эта должность и какъ ея добивались, можно судить до извѣстной степени по громадности цѣны, за какую покупалась она: а цѣна ея колебалась отъ 1.000,000 до 500,000 ливровъ.

Монтескье вначалѣ ревностно принялся за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Людовика XIV парламенты подняли головы, надѣясь вернуть свое прежнее значеніе и освященное исторіей право дѣлать королю представленія о неудобствахъ изданныхъ имъ ордонансовъ, благодаря которому они пользовались прежде извѣстнымъ политическимъ значеніемъ.

Вскорѣ однако абсолютизмъ, даже въ лицѣ Филиппа Орлеанскаго, восторжествовалъ надъ парламентской оппозиціей,—и парижскій парламентъ въ полномъ составѣ былъ высланъ въ провинцію. Можетъ быть этимъ отчасти можно объяснить дальнѣйшее охлажденіе Монтескье къ своей служебной дѣятельности, такъ какъ онъ цѣнилъ значеніе привилегированной и наслѣдственной магистратуры именно по стольку, по сколько она была независима

и представляла собою посредствующую власть, обезпечивающую гражданъ монархіи отъ произвола и беззаконія.

Но были конечно и другія причины. Прежде всего по самому своему характеру Монтескье никогда не могъ сдѣлаться настоящимъ чиновникомъ и крючкотворомъ. Парламентскіе акты и протоколы представляли черезъ-чуръ сухую пищу для его безпокойной любознательности. Онъ самъ жаловался, что его удручаютъ безконечныя и безцѣльныя формальности парламентской процедуры того времени.

Поэтому весьма естественно, что Монтескье искалъ иной дѣятельности и находилъ большее удовлетвореніе, принимая живое участіе въ трудахъ Бордоской академіи, членомъ которой онъ былъ избранъ въ томъ-же, 1716, году.

Но тѣмъ не менѣе онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности по парламентской службѣ и даже въ особенно трудныхъ случаяхъ именно ему парламентъ поручалъ дѣло. Такъ напримѣръ, въ 1722 году вино, вывозимое изъ Гіэни, было обложено очень высокой пошлиной, которая грозила подорвать винодѣліе въ провинціи. Находя эту пошлину вредной для интересовъ подвѣдомственнаго ему округа, Бордоскій парламентъ рѣшился воспользоваться древнимъ правомъ заявлять королямъ о неудобствахъ новыхъ законовъ, и хотя королевская власть не желала признавать этого права, отправилъ Монтескье въ Парижъ съ цѣлью добиться отмѣны только что введенной пошлины. Монтескье добился аудіенціи у регента, убѣдилъ его въ справедливости заявленій парламента,—и пошлина была значительно понижена.

* * *

Успѣхи, сдѣланные въ началѣ XVIII вѣка естествознаніемъ, а главнымъ образомъ величіе открытій Ньютона, сдѣлали занятія этой отраслью наукъ положительно модными. Не только академіи и ученыя общества, но просто образованные люди и даже дамы бросились смотрѣть въ телескопъ, собирать всевозможныя коллекціи, ботанизировать, измѣрять и взвѣшивать все окружающее. Бордоская академія не составляла исключенія, и Монтескье также поддался общему увлеченію. Онъ занимался по очереди

чуть не всѣми отраслями естественныхъ наукъ и написалъ для академіи массу докладовъ, изъ которыхъ большинство блещетъ остроуміемъ, смѣлыми парадоксами, поражаетъ обиліемъ гипотезъ, но тѣмъ не менѣе въ научномъ смыслѣ мало чѣмъ отличается отъ подобныхъ-же докладовъ его бордоскихъ коллегъ, канувшихъ въ вѣчность вмѣстѣ со своими произведеніями. Стоитъ только перечислить заглавія работъ Монтескье за это время, чтобы понять, что онѣ не могли представлять изъ себя чего-нибудь особенно цѣннаго. Дѣйствительно, онъ писалъ: «Разсужденіе о системѣ идей», «Изслѣдованіе о сущности болѣзней вообще», «О причинахъ эхо», «О политикѣ римлянъ въ области религіи», «О тяжести», «О приливахъ и отливахъ», «Замѣчанія о естественной исторіи», «О прозрачности тѣлъ» и т. д. Очевидно, что его безпокойная любознательность искала выхода, старалась найти для себя подходящую почву. Онъ бросался изъ стороны въ сторону, хватался за все, что попадалось подъ руку, но ни на чемъ не могъ остановиться. Казалось-бы, что подобная работа должна вредно отозваться на человѣкѣ, сдѣлать изъ него верхогляда и неисправимаго диллетанта. Но геній изъ всего умѣетъ извлечь для себя пользу,—и Монтескье вынесъ изъ этихъ занятій умѣнье наблюдать и систематизировать факты, собирать необходимыя данныя. Изъ всего, написаннаго имъ за это время, наибольшее значеніе имѣетъ небольшое разсужденіе «О политикѣ римлянъ въ области религіи». Въ немъ Монтескье выказываетъ уже всю глубину своего пониманія исторіи Рима; здѣсь онъ въ своей сферѣ, и на этотъ его небольшой трудъ можно смотрѣть, какъ на первую попытку оцѣнки римской политики, какъ на предтечу «Размышленій о причинахъ величія и паденія римлянъ».

Но особенно полезнымъ для Монтескье было то, что въ качествѣ президента Бордоской академіи, онъ могъ завязать сношенія съ ученымъ и литературнымъ міромъ не только Франціи, но и другихъ странъ. Втеченіи описываемаго періода онъ велъ обширную переписку съ отдѣльными учеными и съ членами другихъ академій по самымъ разнообразнымъ научнымъ вопросамъ. Къ его имени привыкали, оно становилось извѣстнымъ даже внѣ предѣловъ Франціи, хотя пока еще и не было подписано ни подъ однимъ выдающимся трудомъ. Это конечно не осталось безъ

вліянія на быстроту успѣха его позднѣйшихъ произведеній. Кромѣ того, когда онъ впослѣдствіи отправился путешествовать по Европѣ, то почти вездѣ у него нашлись, если не знакомые, то знавшіе его люди, благодаря которымъ онъ получалъ доступъ въ среду избраннаго общества каждой посѣщенной имъ страны

Въ это-же время Монтескье работалъ надъ своими «Персидскими письмами», сразу завоевавшими ему громадную популярность въ средѣ современниковъ.

«Персидскія письма» появились въ 1721 году безъ имени автора, съ ложнымъ обозначеніемъ мѣста изданія.

Книга произвела всеобщую сенсацію и, не смотря на запрещеніе, расходилась въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, вызывая самые разнорѣчивые толки, но возбуждая общій интересъ и любопытство. Въ одинъ годъ она выдержала четыре авторскихъ изданія и четыре контрафакціи.

Дѣйствительно, «Персидскія письма» вполнѣ отвѣчали настроенію общества. Монтескье съумѣлъ въ легкой и общедоступной формѣ выразить то, что носилось въ воздухѣ, что думали многіе. Старая Франція разрушалась на глазахъ у всѣхъ, и Монтескье, нарисовавши смѣлую и яркую картину этого разрушенія и осмѣивая отжившіе принципы, самъ въ значительной степени способствовалъ его ускоренію, хотя можетъ быть и не желалъ этого.

Послѣ смерти Людовика XIV Франція какъ бы очнулась отъ тяжелаго и долгаго сна. Протестантскіе эмигранты еще при жизни Короля-Солнца наводняли страну памфлетами и сатирами и пріучили общество втихомолку разсуждать о томъ, что не все въ дѣлахъ Франціи блеститъ и сіяетъ такъ ярко, какъ дворъ короля. Но вотъ Людовика XIV не стало. Малолѣтній король конечно не могъ никому внушать страха, а регентъ счелъ за лучшее сдать управленіе дѣлами министрамъ и предаться на свободѣ разврату и культу чувственныхъ наслажденій. Ему самому надоѣла лицемѣрная чопорность, царившая при дворѣ въ послѣдніе годы жизни короля, а потому онъ довольно мягко относился даже къ явно выражавшемуся недовольству политикой Людовика.

По примѣру регента все общество, наскучивъ лицемѣрнымъ ханжествомъ, съ удвоеннымъ рвеніемъ пыталось наверстать по-

терянное время. Въ промежуткахъ между оргіями осмѣивалось почти открыто все, чего съ величайшей осторожностью едва осмѣливались касаться еще такъ недавно самые отважные люди. Сама администрація стала гораздо легче смотрѣть на литературу всевозможныхъ памфлетовъ, размножавшуюся съ каждымъ днемъ. Религіозные споры по поводу отмѣны Нантскаго эдикта и булла Unigenitus волновали богослововъ, а общество насмѣшливо слѣдило за тѣмъ, какъ во взаимной войнѣ враждующія партіи подрывали окончательно всякій авторитетъ духовной власти. Джонъ Ло, обѣщавшій обогатить всѣхъ, разжегъ страсти къ наживѣ, а колоссальный крахъ его знаменитаго предпріятія, разорившій многихъ богатыхъ лицъ и выдвинувшій новыхъ богачей изъ толпы, окончательно пошатнулъ устои старой Франціи.

Вотъ въ такое-то время появилась книга, авторъ которой въ изящной, легкой и общепонятной формѣ съ самой тонкой и ѣдкой ироніей касается весьма жгучихъ вопросовъ современности, не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

Тутъ трактуется и о буллѣ Unigenitus, и о системѣ Ло, и о религіи, и о политическихъ вопросахъ, и о морали; тутъ осмѣиваются монахи, министры, нравы, король, папа, само общество. Словомъ, вся старая Франція предстала передъ судомъ каждаго совершенно обнаженная, безъ всякихъ прикрасъ,—и общество не могло не замѣтить всего безобразія, дряхлости и явныхъ слѣдовъ черезъ-чуръ бойкой жизни этой нѣкогда почтенной старушки.

Подробно останавливаться на изложеніи взглядовъ Монтескье по всѣмъ почти вопросамъ, волновавшимъ французское общество, разбросанныхъ безъ всякаго порядка иногда въ видѣ короткихъ и мѣткихъ афоризмовъ на всемъ протяженіи «Персидскихъ писемъ», а также на отдѣльныхъ нарисованныхъ имъ типахъ своихъ современниковъ—значило бы выписывать цѣлыя страницы in ixtenso, такъ какъ сдѣлать это другимъ способомъ, т. е. пересказать что либо изъ «Персидскихъ писемъ» «своими словами» положительно невозможно и просто грѣшно. Въ этомъ произведеніи Монтескье содержаніе до того слито съ формой, мысли выражены такъ ярко, образно и коротко, такая художественная прелесть заключается часто въ рѣзкихъ переходахъ и скачкахъ отъ одного предмета къ другому, что съ нимъ возможно только непосредственное ознаком-

леніе. Къ тому же личные взгляды Монтескье на вопросы политики, религіи и философіи, могущіе имѣть значеніе въ настоящемъ очеркѣ, въ «Персидскихъ письмахъ» являются не всегда окончательно сложившимися и вполнѣ выраженными, а потому ознакомленіе съ ними мы и откладываемъ до главы, посвященной «Духу Законовъ», т. е. тому произведенію нашего автора, гдѣ его взгляды нашли себѣ гораздо болѣе полное выраженіе.

Канва, по которой вытканы блестящіе узоры, «Персидскихъ писемъ» весьма проста: два знатныхъ перса — Рика и Узбекъ ѣдутъ во Францію и дѣлятся со своими персидскими друзьями получаемыми впечатлѣніями. Узбекъ, человѣкъ болѣе разсудочный, постоянно задумывающійся надъ всѣмъ окружающимъ, напоминаетъ по своему характеру и складу ума Монтескье, который, какъ полагаютъ, и хотѣлъ въ лицѣ Узбека изобразить самого себя. Рика, напротивъ, человѣкъ увлекающійся, веселый, насмѣшливый, но несомнѣнно, что и въ его уста Монтескье влагаетъ нерѣдко свои собственныя мысли и можетъ быть въ его лицѣ изображаетъ, пожалуй помимо собственнаго желанія, другія черты своего собственнаго характера. Дѣйствительно, если Узбеку придать немного веселости, шутливости и живости Рика, то онъ еще болѣе будетъ походить на создавшаго его автора.

Монтескье имѣлъ обыкновеніе ежедневно записывать свои наблюденія и впечатлѣнія. Очень вѣроятно, что изъ подобнаго дневника и возникли «Персидскія письма». Но тѣмъ не менѣе окончательная обработка ихъ поглотила не мало труда. Монтескье по нѣскольку разъ передѣлывалъ и измѣнялъ нѣкоторыя мѣста, отдѣлывалъ каждую фразу.

Критики доказывали, что планъ этого произведенія и самая идея вложить свою сатиру въ уста персовъ заимствованы Монтескье. Но подобное заимствованіе нисколько не лишаетъ «Персидскихъ писемъ» ихъ оригинальности. Планъ ихъ — послѣднее дѣло. Персы Монтескье сильно смахиваютъ на французовъ и наряжены они въ персидскіе халаты только для того, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить горечь преподносимой пилюли, такъ какъ для персовъ французскіе законы не писаны, и они могутъ потому говорить о французскихъ порядкахъ и о французахъ все, что имъ вздумается

Опредѣлить точно, когда Монтескье началъ свой трудъ, почти невозможно. Первое изъ писемъ носитъ дату 11 января 1711 г., и поэтому весьма возможно, что задуманы они вскорѣ по выходѣ Монтескье изъ коллежа. но, какъ сказано выше, передъ выходомъ своимъ въ свѣтъ они были передѣланы авторомъ отъ начала до конца. Одинъ изъ его современниковъ свидѣтельствуетъ, что онъ «видѣлъ первый набросокъ, который впослѣдствіи былъ совершенно измѣненъ».

Окончилъ Монтескье свою книгу въ 1720 году и прежде, чѣмъ рѣшиться на ея изданіе, онъ поѣхалъ посовѣтоваться къ своему старому учителю изъ коллежа, нѣкоему Демоле, довольно извѣстному въ свое время критику. Демоле, какъ священникъ, не совѣтывалъ Монтескье издавать «Персидскихъ писемъ», находя въ нихъ слишкомъ много непозволительныхъ съ точки зрѣнія добраго католика мѣстъ, но, какъ не дюжинный критикъ, онъ не могъ не прибавить, что «раскупаться будетъ эта книга, какъ хлѣбъ». Изданы были «Персидскія письма» въ Голландіи, издавна снабжавшей Францію нелегальными изданіями, подъ наблюденіемъ секретаря Монтескье, Дюваля, сдѣлавшагося впослѣдствіи аббатомъ.

Самъ Монтескье относился къ «Персидскимъ письмамъ» не особенно серьезно, сознавая, что то, что здѣсь разбросано въ видѣ отдѣльныхъ блестящихъ мѣстъ и не всегда ясныхъ намековъ, онъ въ состояніи обработать гораздо полнѣе и серьезнѣе.

Онъ неохотно признавалъ свое авторство, боясь можетъ быть непріятностей съ властями, но успѣхъ книги льстилъ его самолюбію. Разъ его младшая любимая дочь развернула при немъ «Персидскія письма», но Монтескье остановилъ ее и сказалъ: «Оставь,—это книга моей юности, но она не годится для твоей». «У меня болѣзнь—писать книги,—говаривалъ онъ также,—и стыдиться ихъ, когда я напишу».

Къ удивленію на «Персидскія письма» не обратила особаго вниманія духовная власть, хотя и раздались отдѣльные голоса, призывавшіе кару на автора. Впрочемъ богословы зачяты были спорами о буллѣ Unigenitus и имъ было не до Монтескье. Что же касается свѣтской власти, то она смотрѣла на дѣло сквозь пальцы, такъ какъ самому регенту пришлась по вкусу сатира, касавшаяся непосредственно не его, а нелюбимаго имъ Людовика

и его времени. Да къ тому же чтеніе ея доставляло несомнѣнное удовольствіе; нельзя было мѣстами не посмѣяться вмѣстѣ съ авторомъ, а это было главное для веселаго регента. Не смотря на предосторожности, имя автора стало неоффиціально извѣстно всѣмъ и переходило изъ устъ въ уста.

III.

Жизнь въ Парижѣ и путешествія.

Салонъ аббата Олива.—Клубъ Антресоля. М-lle де-Клермонъ и храмъ въ Книдѣ.—Первая кандидатура въ академіи. Продажа должности президента и окончательное переселеніе въ Парижъ.—Подготовка матеріаловъ къ «Духу Законовъ».—Г-жа де-Ламберъ и принятіе въ Парижскую академію.—Заграничная поѣздка.—Знакомства.—Замѣтки Монтескье.—Пребываніе въ Англіи.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ «Персидскихъ писемъ» Монтескье переселился въ Парижъ. Влекло ли его сюда желаніе насладиться такъ быстро доставшеюся ему славою и извѣстностью, или же онъ желалъ, воспользовавшись тѣмъ, что теперь для него открылись двери самыхъ извѣстныхъ литературныхъ салоновъ, пополнить кругъ своихъ наблюденій и почерпнуть новыя свѣдѣнія въ живой бесѣдѣ съ извѣстнѣйшими людьми, наполнявшими эти салоны, но во всякомъ случаѣ въ Парижѣ онъ бывалъ всюду, заводилъ массу новыхъ знакомствъ и своимъ умомъ и обращеніемъ только увеличивалъ количество своихъ поклонниковъ и поклонницъ.

Вначалѣ онъ особенно усердно посѣщалъ салонъ аббата Олива, но здѣсь онъ поссорился съ нѣкіимъ священникомъ Турнеминомъ, желавшимъ играть въ этомъ салонѣ первую роль и въ весьма грубой формѣ отзывавшимся о «Персидскихъ письмахъ». Монтескье мстилъ потомъ запосчивому патеру тѣмъ, что когда при немъ произносили имя Турнемина, то онъ самымъ серьезнымъ образомъ дѣлалъ видъ, что въ первый разъ слышитъ о немъ, а услужливые друзья конечно передавали объ этомъ Турнемину.

Тогда Монтескье сошелся съ другимъ кружкомъ, поставившимъ себѣ цѣлью изученіе политическихъ наукъ и политическихъ вопросовъ и носившимъ нѣсколько странное названіе клуба Антресоля. Дѣло въ томъ, что квартира, въ которой собиралось по субботамъ общество, помѣщалась въ Антресолѣ. Основателями клуба были членъ французской академіи аббатъ Алари, и изгнанный изъ отечества послѣ революціи 1688 г. англійскій эмигрантъ милордъ Болингброкъ, человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. На родинѣ онъ пользовался до изгнанія значительнымъ политическимъ вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ, благодаря выдающемуся ораторскому таланту, смѣлости и послѣдовательности своихъ взглядовъ и поступковъ. Тутъ собирались кромѣ того литераторы, ученые, дипломаты, члены магистратуры. Изъ остальныхъ членовъ кружка, ради его характеристики, заслуживаютъ упоминанія аббатъ Сенъ-Пьеръ, оставившій массу проэктовъ различныхъ реформъ. д'Аржансонъ, котораго въ шутку прозвали государственнымъ секретаремъ Платоновской республики за мечтательный и утопическій характеръ его произведеній, Плело, составившій для клуба «Разсужденіе о различныхъ формахъ правленія» и сдѣлавшійся впослѣдствіи искуснымъ дипломатомъ.

Каждую субботу члены этого оригинальнаго клуба проводили вмѣстѣ три часа, причемъ втеченіи перваго часа сообщались политическія новости, втеченіи второго шло обсужденіе событій дня, а третій посвящался чтенію трудовъ или рефератовъ кого-нибудь изъ членовъ.

Это общество оказалось гораздо болѣе подходящимъ для Монтескье, чѣмъ салонъ аббата Олива. Милордъ Болингброкъ своими разсказами объ Англіи и англійскихъ порядкахъ можетъ быть впервые обратилъ вниманіе Монтескье на замѣчательныя учрежденія этой страны. Непринужденность во взаимныхъ отношеніяхъ и полное вниманіе къ противуположнымъ мнѣніямъ дѣлали собранія клуба весьма оживленными и пріятными. Монтескье былъ здѣсь въ своей сферѣ.

При принятіи его въ число членовъ, на него, по обычаю, возложили обязанность написать и прочесть какой-нибудь рефератъ, и онъ прочелъ діалогъ «Сулла и Эвкратъ», который кажется былъ уже имъ читанъ раньше въ Бордоской академіи.

Содержаніе діалога не сложно и состоитъ въ томъ, что Сулла, сложивъ съ себя добытую путемъ ряда насилій власть, желаетъ найти себѣ оправданіе и бесѣдуетъ на эту тему съ философомъ Эвкратомъ.

Въ этомъ діалогѣ, не имѣющемъ особенно серьезнаго значенія, Монтескье обнаруживаетъ лишь свое давнишнее знакомство съ классической древностью и обычное умѣнье облекать въ самую легкую и изящную форму отвлеченнѣйшія разсужденія. Характеры дѣйствующихъ лицъ обрисованы ярко и живо, и особенно хороша въ художественномъ отношеніи защита Суллою произвола сильнаго человѣка, захватившаго власть, чтобы не подчиняться самому, и весьма характерна его наивно-звѣрская философія.

Но парижская жизнь втягивала Монтескье все въ новыя и новыя знакомства уже въ другихъ кругахъ. Онъ впрочемъ самъ былъ любителемъ общества вообще, а дамскаго въ особенности и далеко не избѣгалъ его. По этому поводу въ «Духѣ Законовъ» находимъ слѣдующія строки: «Пріятно жить въ такомъ климатѣ, который дѣлаетъ возможнымъ взаимное общеніе, гдѣ прекрасный полъ украшаетъ общество и гдѣ женщины, сохраняя себя для удовольствій одного, служатъ развлеченіемъ для всѣхъ.

Монтескье посѣщалъ Шантильи, замокъ герцога Бурбонскаго, смѣнившаго умершаго въ 1723 году Филиппа Орлеанскаго. Здѣсь собирались дамы, ученые, литераторы, художники и праздники смѣнялись праздниками. Немного ханжа, герцогъ Бурбонскій тѣмъ не менѣе не прочь былъ повеселиться и, возстановляя строжайшіе ордонансы Людовика XIV противъ янсенистовъ и протестантовъ, заботился о роскошномъ убранствѣ своего замка, потративъ на это значительныя суммы.

Здѣсь-то сестра фаворитки герцога, маркизы При, m-elle Клермонъ, открыто жившая съ графомъ Мелюномъ, обратила вниманіе на молодого, умнаго, веселаго президента, только что прославленнаго, благодаря «Персидскимъ письмамъ». Это была молодая двадцати-семилѣтняя красавица, принцесса крови, происходившая отъ мадамъ Монтеспанъ, веселая, полная жизни и соскучившаяся очевидно со своимъ Мелюномъ, который, по словамъ Вольтера, «обладалъ бо́льшей добродѣтелью, чѣмъ привлекательностью».

Мадамъ Жанлисъ выставила ее въ качествѣ героини въ од-

номъ изъ своихъ романовъ; самъ Вольтеръ посвятилъ ей одно изъ своихъ произведеній. Натье написалъ картину, въ которой она изображена въ греческомъ костюмѣ въ видѣ Наяды, а Монтескье сочинилъ въ честь ея поэму «Храмъ въ Книдѣ». Это произведеніе не представляетъ ничего особеннаго и, какъ всѣ ложно-классическія поэмы того времени, наполнена сантиментальными разсужденіями рядомъ съ довольно прозрачными намеками на вещи не совсѣмъ скромныя, пересыпана аллегоріями и блещетъ болѣе галантностью, чѣмъ поэзіей.

M-elle Клермонъ такъ или иначе дарила очевидно своею благосклонностью автора «Персидскихъ писемъ», такъ какъ сохранилось въ ящикѣ Монтескье три восторженныхъ любовныхъ его посланія къ ней, которыя онъ хранилъ до самой смерти съ большой бережностью. Вскорѣ однако эта интрига прекратилась, неизвѣстно почему.

«Храмъ въ Книдѣ» долго ходилъ по рукамъ, пока одинъ французскій журналъ, издававшійся въ Голландіи, не напечаталъ его текста съ примѣчаніемъ, въ которомъ прямо говорилось, что это—произведеніе автора «Персидскихъ писемъ». Въ 1725 году Монтескье издалъ его самъ, но подъ псевдонимомъ греческаго епископа, въ бумагахъ котораго будто-бы была найдена рукопись.

Монтескье впослѣдствіи долго не признавался въ написаніи этой поэмы. Тѣмъ не менѣе конечно имя автора не было тайной ни для кого. Несмотря на сравнительное ничтожество «Храма въ Книдѣ», онъ понравился въ салонахъ, — и друзья Монтескье обоего пола поставили въ томъ же году его кандидатуру въ академію. Но на этотъ разъ онъ потерпѣлъ неудачу, такъ какъ его недоброжелатели откопали старое правило, въ силу котораго лицо, не живущее постоянно въ Парижѣ, не могло быть принято въ члены академіи.

Монтескье рѣшился поселиться въ Парижѣ и развязаться съ Бордо, къ которому его привязывали парламентъ и мѣстная академія. Что́ побудило Монтескье рѣшиться порвать съ парламентомъ и Бордоской академіей—сказать трудно; можетъ быть тутъ играло извѣстную роль уязвленное самолюбіе и желаніе во что бы то ни стало попасть въ члены Французской академіи, можетъ быть просто въ Парижѣ онъ нашелъ болѣе подходящее общество,

можетъ быть желалъ имѣть больше досуга для литературныхъ занятій, но во всякомъ случаѣ рѣшеніе было принято, и Монтескье уѣхалъ въ Бордо, чтобы устроить свои дѣла. Ему однако пришлось выдержать нѣкоторую борьбу со своими коллегами по парламенту и академіи, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не желали отпустить его.

Можетъ быть ради этого коллеги Монтескье по Бордоской академіи выбрали его президентомъ. Онъ за свое короткое пребываніе въ Бордо успѣлъ прочесть въ академіи два новыхъ труда: «Общее разсужденіе объ обязанностяхъ человѣка» и «О различіи между уваженіемъ и извѣстностью». Первый изъ этихъ трудовъ представляетъ бѣглый набросокъ и имѣетъ лишь біографическое значеніе, указывая на то, что Монтескье уже тогда признавалъ важность сравнительнаго изученія законодательствъ различныхъ странъ и эпохъ.

Кромѣ того онъ вынужденъ былъ, по обычаю, послѣ выбора въ президенты, произнести рѣчь, темой которой и избралъ панегирикъ въ честь герцога де-ла-Форсъ, покровителя академіи, извѣстнаго взяточника, сдѣлавшагося тѣмъ не менѣе впослѣдствіи другомъ Монтескье. Въ это же время англичанинъ Генрихъ Селли, проживавшій во Франціи по приглашенію герцога Орлеанскаго, изобрѣлъ новый маятникъ, съ помощью котораго надѣялся болѣе точно измѣрять время на корабляхъ въ морѣ.

Для опытовъ избранъ былъ Бордо. Академія рѣшила оказать ему содѣйствіе, такъ какъ это изобрѣтеніе обѣщало дать возможность болѣе точнаго опредѣленія долготъ. Это еще нѣсколько задержало Монтескье, который заинтересовался и изобрѣтеніемъ, и личностью Селли. Впослѣдствіи несчастный изобрѣтатель, потерявъ все свое состояніе, обратился за помощью къ Монтескье въ довольно оригинальной формѣ.

Онъ написалъ ему буквально слѣдующее: «Я страстно желаю повѣситься, но полагаю, что не повѣсился бы, если бы имѣлъ 100 экю». Монтескье послалъ ему эту сумму.

Теперь въ академіи всѣ дѣла были покончены и Монтескье могъ бы переселиться въ Парижъ, но еще надо было покончить съ парламентомъ. Къ тому же въ это время у него родилась дочь, что также нѣсколько задержало его. Монтескье наконецъ про-

далъ свою должность до своей смерти съ тѣмъ, чтобы она потомъ перешла вновь къ его сыну. Оффиціально онъ выставилъ мотивомъ своего удаленія желаніе посвятить свое время труду о законодательствѣ. Въ этомъ была значительная доля истины, такъ какъ онъ несомнѣнно въ это время уже весьма серьезно работалъ надъ «Духомъ Законовъ».

Еще послѣ выхода изъ коллежа, какъ припомнитъ читатель, Монтескье, занятый изученіемъ права, по собственнымъ его словамъ, искалъ духа и общаго смысла законовъ. Онъ съ тѣхъ поръ записывалъ всѣ свои мысли, касающіяся этого предмета, дѣлалъ выписки изъ прочитаннаго, если онѣ могли послужить ему для той же цѣли,—словомъ, очевидно носился съ мыслію объ обширномъ сочиненіи, планъ котораго можетъ быть не былъ еще ему ясенъ. Но къ описываемому времени несомнѣнно существовалъ набросокъ первыхъ 10 книгъ «Духа Законовъ», такъ какъ эта часть сочиненія рѣзко отличается отъ остальной даже въ законченномъ видѣ. Здѣсь больше сходства съ «Персидскими письмами»,—то же непониманіе парламентскихъ учрежденій; нѣтъ детальнаго знакомства съ государственнымъ устройствомъ Англіи, больше общихъ мѣстъ и т. д. Словомъ, очевидно, что эта часть написана до поѣздки въ Англію и приблизительно современна «Персидскимъ письмамъ». Монтескье говорилъ по поводу «Духа Законовъ»: «это книга двадцати лѣтъ, результатъ двадцати-лѣтнихъ трудовъ»; значитъ, «Духъ Законовъ», вышедшій въ свѣтъ въ 1748 г. начатъ ранѣе поѣздки въ Англію, т. е. ранѣе 1730 года.

* * *

Устроивъ такимъ образомъ дѣла, Монтескье переселился наконецъ въ Парижъ, гдѣ поселился въ небольшой скромной квартирѣ въ улицѣ Сенъ-Доминикъ-Сенъ-Жерменъ, проводя съ тѣхъ поръ половину года здѣсь, половину въ своемъ замкѣ втеченіи почти всей послѣдующей жизни, если не считать путешествій.

По пріѣздѣ въ Парижъ Монтескье принялся за осуществленіе своего давнишняго желанія попасть въ члены Парижской академіи. Для этого было далеко недостаточно одинѣхъ литературныхъ и ученыхъ заслугъ. Требовалось еще заручиться благосклонностью

двора, перваго министра, въ то время кардинала Флери, академиковъ и г-жи де-Ламберъ, въ салонѣ которой собиралось избранное общество и содѣйствіе которой было пожалуй важнѣе всего прочаго. Монтескье дѣятельно принялся за дѣло.

Онъ началъ аттаку съ m-elle Клермонъ, которая послѣ смерти герцога Мелюнъ и изгнанія изъ Франціи ея брата, вела довольно скромную и уединенную жизнь, на сколько конечно ей позволяло ея положеніе при дворѣ и въ обществѣ, и казалась неутѣшной. Монтескье написалъ ей въ утѣшеніе новую поэму подъ названіемъ «Путешествіе на Наоосъ». Эта поэма, подобно «Храму въ Книдѣ», написана въ ложно-классическомъ духѣ. Здѣсь тѣ же аллегоріи, дѣйствуютъ тѣ же древніе боги, смахивающіе на французскихъ кавалеровъ и дамъ, а герцогъ Мелюнъ изображается подъ видомъ Адониса, убитаго на охотѣ звѣремъ, какъ и было въ дѣйствительности съ герцогомъ. Эта поэма появилась въ «Меркуріи Франціи», въ декабрѣ 1727 года.

Собственно по выполненію она выше «Храма въ Книдѣ». Въ высшемъ обществѣ она произвела требуемое дѣйствіе, и о Монтескье вновь заговорили; онъ вновь подогрѣлъ благосклонность многочисленныхъ высокопоставленныхъ друзей m-elle Клермонъ.

Продолжалъ онъ посѣщать и клубъ Антресоля, который въ то время дѣятельно занимался вопросами текущей политики, почему находился въ подозрѣніи у кардинала Флери, который и закрылъ его вскорѣ, именно въ 1730 г.

Монтескье прочелъ въ клубѣ рефератъ «О финансахъ Испаніи», который затѣмъ былъ включенъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ «Духъ Законовъ». Этотъ рефератъ, полный весьма цѣнныхъ наблюденій и глубокихъ мыслей, обратилъ на себя вниманіе членовъ клуба, между которыми было много академиковъ. Затѣмъ ему оставалось только проникнуть въ салонъ г-жи де-Ламберъ, гдѣ онъ вскорѣ и появился, благодаря содѣйствію Фонтенелля.

Маркиза де-Ламберъ, въ то время уже вдова, собирала въ своемъ блестящемъ салонѣ высшее общество, нѣкоторыхъ избранныхъ литераторовъ, академиковъ, членовъ магистратуры. Тутъ бывали Фонтенелль, Меронъ, аббатъ Монго, Шуази, Гено, Сази, Менъ. Д'Аржансонъ говорилъ о маркизѣ, что «она сдѣлала академиками половину всего современнаго состава академіи», и это

было очень близко къ истинѣ. Доступъ въ этотъ аристократическій салонъ былъ не легокъ, и посѣщавшія его лица подвергались самой строгой критикѣ; но Монтескье скоро обратилъ на себя и тутъ всеобщее вниманіе и пріобрѣлъ новыхъ друзей и поклонниковъ. Онъ читалъ здѣсь отрывки изъ своего разсужденія «О счастьи».

* * *

26-го октября 1727 года умеръ академикъ Лун Сази, также посѣщавшій, какъ сказано выше, салонъ маркизы Ламберъ, и такимъ образомъ открылась вакансія.

Сейчасъ же друзья Монтескье заговорили о его кандидатурѣ. Это было тѣмъ естественнѣе, что уже однажды кандидатура его была поставлена, и если Монтескье и потерпѣлъ въ первый разъ неудачу, то во всякомъ случаѣ не былъ забаллотированъ. Маркиза Ламберъ съ своей стороны замолвила, кому слѣдуетъ, слово, такъ что самъ кардиналъ Флери, отвѣчая на сообщеніе секретаря академіи объ открывшейся вакансіи, написалъ ему, что онъ лично не имѣетъ своихъ протеже и вполнѣ полагается на выборъ академіи, причемъ прямо упомянулъ имя Монтескье, какъ вѣроятнаго кандидата. Въ самой академіи особенно ревностно поддерживалъ кандидатуру Монтескье аббатъ Монго, бывшій преподаватель герцога Орлеанскаго, человѣкъ довольно вліятельный.

Успѣхъ такимъ образомъ казалось былъ обезпеченъ, какъ вдругъ дѣло приняло дурной оборотъ. Тотъ самый Турнеминъ, съ которымъ Монтескье имѣлъ ссору и изъ за котораго разошелся съ кружкомъ аббата Олива, обратилъ вниманіе Флери, какъ оказалось, не читавшаго «Персидскихъ писемъ», на нѣкоторыя особенно рѣзкія мѣста книги, касающіяся королевской власти и папы. Кардиналъ Флери вознегодовалъ конечно. Академики, собравшіеся уже для выборовъ, узнали, что кардиналъ наканунѣ сказалъ: «выборъ, который намѣрена сдѣлать академія, не можетъ быть одобренъ ни однимъ честнымъ человѣкомъ». Слова перваго министра произвели свое дѣйствіе, и сейчасъ же въ средѣ самихъ академиковъ недовольные кандидатурой Монтескье члены подняли головы, повели враждебную ему агитацію и заговорили о тѣхъ мѣстахъ «Персидскихъ писемъ», которыя задѣвали самую ака-

демію. Однако маршалу Д'Эстре, сторонику и другу Монтескье, удалось добиться резолюціи, по которой выборы, за неявкою достаточнаго количества членовъ, были отложены на 9 дней. Маршалъ надѣялся какъ нибудь поправить дѣло за это время. Монтескье однако былъ сильно недоволенъ и огорченъ случившимся; онъ подумывалъ объ оставленіи Франціи и говорилъ, что заграницей съумѣютъ лучше оцѣнить его заслуги, чѣмъ на родинѣ; Маршалъ предлагалъ было вознаградить его пенсіей, но Монтескье, будучи вообще человѣкомъ разсчетливымъ и даже нѣсколько скупымъ, возмутился однако этимъ и отказался наотрѣзъ. «Я не дѣлалъ низостей — писалъ онъ — а потому не нуждаюсь для своего утѣшенія въ милостяхъ». Наконецъ было устроено свиданіе между Монтескье и Флери, въ результатѣ котораго получилось болѣе благосклонное отношеніе кардинала къ новому кандидату въ члены академіи. Что̀ произошло между ними, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что Монтескье пришлось, если не отречься отъ нѣкоторыхъ мѣстъ своей книги, то покривить немного душой. Вольтеръ передастъ даже, что Монтескье успѣлъ за эти дни выпустить новое изданіе писемъ, въ которыхъ онъ измѣнилъ мѣста, непріятныя Флери; но его свидѣтельство, въ виду всегдашняго его враждебнаго отношенія къ Монтескье, врядъ ли можно принять за совершенно достовѣрное. Какъ бы то ни было, послѣ того Монтескье былъ выбранъ въ члены академіи, хотя противники его не слагали оружія до послѣдняго дня, и онъ, благодаря этому, получилъ довольно значительное количество черныхъ шаровъ. По обычаю, послѣ принятія въ члены академіи, Монтескье произнесъ рѣчь, предметомъ которой было восхваленіе заслугъ его предшественника Сази, а также — Ришелье и Людовика XIV. Не забытъ былъ и Флери.

Странно должно быть звучали похвалы Королю-Солнцу въ устахъ автора XXII Персидскаго письма!

Добившись такимъ образомъ того, что двери академіи открылись передъ нимъ, Монтескье не особенно ревностно посѣщалъ ея засѣданія. Впрочемъ оно и понятно: для него вступленіе въ академію было лишь вопросомъ честолюбія — не болѣе; а засѣданія Французской академіи уже и въ то время не отличались ни особой живостью, ни особымъ интересомъ. Не связанный болѣе ни-

чѣмъ, Монтескье рѣшился отправиться путешествовать, чтобы узнать на мѣстѣ бытъ и учрежденія другихъ странъ, что было ему необходимо для его главнаго труда.—въ это время «Духъ Законовъ» уже сталъ цѣлью его жизни.

* * *

Мы такъ долго остановились на перепетіяхъ мелочной личной борьбы друзей и враговъ Монтескье и на тѣхъ приготовленіяхъ, которыя ему пришлось сдѣлать, чтобы попасть въ члены академіи, п. ч. они, по нашему мнѣнію, лучше всякихъ общихъ разсужденій характеризуютъ общество и время, въ которое жилъ Монтескье, а также и потому, что при подобной мелочной борьбѣ и мелкихъ уколахъ самолюбію лучше всего сказывается характеръ человѣка. Если мы при этомъ замѣтили, что Монтескье не чуждъ былъ недостаткамъ своего времени, что онъ при случаѣ шелъ на сдѣлки съ самимъ собою въ угоду сильнымъ міра, то не слѣдуетъ забывать, что разсуждавшее о свободѣ общество его времени было еще насквозь пропитано привычками, пріобрѣтенными въ Версали.

Нѣтъ, въ немъ много было гордости и сознанія собственнаго достоинства, если онъ рѣшился отказаться отъ солидной пенсіи, чего не сдѣлало бы большинство его современниковъ, и серьезно говорилъ объ оставленіи Франціи. Вѣдь, предлагая Монтескье въ видѣ утѣшенія за неудачи пенсію, герцогъ Д'Эстре, его другъ, не хотѣлъ оскорбить его.

Значитъ, въ нравахъ того времени было утѣшаться подобнымъ образомъ. Вольтеръ при случаѣ пускалъ въ ходъ прямую лесть, Бюффонъ, когда Сорбонна стала къ нему придираться, отрекся отъ всѣхъ еретическихъ мѣстъ своей книги и самъ смѣялся потомъ надъ этимъ.

Чтобы пользоваться какимъ либо вліяніемъ во Франціи XVIII вѣка, необходимо было быть принятымъ въ высшемъ обществѣ, а оно не терпѣло въ своей средѣ людей, слишкомъ рѣзко выдѣлявшихся своими поступками, и налагало свою печать на всякаго соприкасавшагося съ нимъ человѣка.

* * *

Монтескье отправился изъ Парижа 5-го апрѣля 1728 г., а вернулся во Францію въ апрѣлѣ-же 1731 года, т. е. провелъ за-гра-

*

ницей три года, причемъ довольно быстро объѣхалъ всю Европу и лишь въ Англіи пробылъ около полутора года. Онъ посѣтилъ Австрію, Венгрію, направился было въ Турцію, но вслѣдствіе политическихъ замѣшательствъ изъ Бѣлграда свернулъ въ Италію, посѣтилъ страны по Рейну и Голландію. Всюду онъ входилъ въ самыя тѣсныя сношенія съ придворными кругами, гдѣ его охотно принимали, какъ человѣка уже извѣстнаго своими трудами, какъ члена академіи, а отчасти благодаря рекомендаціи многочисленныхъ старыхъ и новыхъ друзей. Знакомился онъ съ дипломатами, политическими дѣятелями, учеными, не пренебрегалъ и простыми смертными: осматривалъ всѣ достопримѣчательности, изучалъ нравы каждой страны и ежедневно заносилъ на бумагу свои впечатлѣнія и мысли. Монтескье говоритъ: «многіе платятъ прогоны за почтовыхъ лошадей, но путешественниковъ между ними мало». Дѣйствительно, такихъ путешественниковъ, какъ онъ, найдется немного. Онъ вынесъ изъ своихъ путешествій такое знакомство съ посѣщенными имъ, часто очень спѣшно, странами, какого не имѣютъ иногда лица, живущія въ нихъ годами. Монтескье умѣлъ сразу схватывать характерныя особенности каждой мѣстности, быстро входить въ интересы населенія, уловить самую сущность политическаго и соціальнаго положенія страны. Положимъ, ему благопріятствовало все: слава, высокое положеніе, богатство. Эти путешествія стоили Монтескье не малыхъ денегъ, но Монтескье, вообще весьма разсчетливый человѣкъ, не жалѣлъ ихъ на это.

* * *

10-го мая 1728 г. Монтескье прибылъ въ Вѣну. Онъ былъ радушно принятъ въ высшемъ вѣнскомъ обществѣ и при дворѣ Карла VI, слывшаго покровителемъ наукъ и искусствъ, и здѣсь былъ скоро посвященъ въ тайны вѣнской дипломатіи своими новыми многочисленными знакомыми. Въ это время ему пришла въ голову мысль сдѣлаться самому дипломатомъ; онъ написалъ о своемъ намѣреніи Флери, министру внутреннихъ дѣлъ, и кое-кому изъ друзей въ Парижъ, но предложенный ему постъ не удовлетворялъ его желаніямъ. Такимъ образомъ сохранился Монтескье, какъ авторъ «Духа Законовъ», не сдѣлавшись дипломатомъ, можетъ быть посредственнымъ.

Монтескье быстро вошелъ въ дружескія сношенія со многими изъ выдающихся людей въ Вѣнѣ; между прочимъ съ Карломъ Эммануиломъ, наслѣдникомъ савойскаго престола, почерпнувшимъ можетъ быть изъ знакомства съ Монтескье свои конституціонныя идеи,—съ принцемъ Евгеніемъ, съ княземъ Лихтенштейномъ, съ графами Штаренбергомъ и Кинскимъ, съ маркизами де Брейль и де Ири. Но въ Вѣнѣ онъ остался не долго и проѣхалъ черезъ Венгрію, гдѣ его поразилъ контрастъ между богатствомъ знати и бѣдностью крестьянства. Затѣмъ, какъ сказано, ему не удалось побывать въ Турціи, и онъ свернулъ въ Италію черезъ Иллирію. По дорогѣ Монтескье случайно встрѣтился съ милордомъ Честерфильдомъ, котораго кажется встрѣчалъ раньше въ клубѣ Антресоля. Это былъ богатый, знатный, образованный англичанинъ, дипломатъ и политическій дѣятель. Они рѣшили путешествовать вмѣстѣ и 16-го августа прибыли въ Венецію. Здѣсь Монтескье встрѣтился съ Джономъ Ло и съ графомъ Бонневаль. Ло въ это время проживалъ въ Венеціи въ неизвѣстности, занимаясь азартными играми на основаніи выработанной имъ собственной теоріи. Бонневаль былъ смѣлый и энергичный авантюристъ. Адъютантъ маршала во Франціи, онъ былъ потомъ австрійскимъ генераломъ,затѣмъ—турецкимъ пашей.Бонневаль видалъ на своемъ вѣку многое,разсказалъ Монтескье всю свою богатую приключеніями біографію и подѣлился съ нимъ богатымъ запасомъ своихъ наблюденій.

Монтескье изучалъ памятники искусства, исторіи и современное положеніе страны, но его замѣтки о Венеціи погибли въ волнахъ Адріатическаго моря. Онъ отправился было уже въ Фичину, какъ вдругъ замѣтилъ, что за нимъ гонится нѣсколько гондолъ. Опасаясь, что венеціанское правительство приняло его за шпіона и желая избѣжать непріятностей, Монтескье бросилъ всѣ свои замѣтки о Венеціи въ море. Оказалось, что дѣйствительно за нимъ слѣдили, но безпокоить его не было приказано, такъ что онъ могъ бы благополучно уѣхать со всѣми своими замѣтками.

Послѣ Венеціи Монтескье направился въ Римъ, гдѣ провелъ четыре мѣсяца. Тутъ онъ близко сошелся съ протестантскимъ пасторомъ Якобомъ Верне, который впослѣдствіи слѣдилъ за изданіемъ «Духа Законовъ». Кромѣ того онъ постоянно бывалъ у

кардинала Полиньяка, французскаго посла при папскомъ дворѣ, гдѣ встрѣчался со многими членами высшаго духовенства. Тутъ онъ познакомился съ кардиналомъ Корсини, впослѣдствіи папой Климентомъ XII, сосвященникомъ Фуке,—миссіонеромъ въ Китаѣ, съ Витри, который, по словамъ Монтескье, «занимался производствомъ древнихъ медалей и предметовъ религіознаго почитанія вѣрующихъ».

Самый Римъ интересовалъ его не менѣе, чѣмъ проживавшіе въ немъ почтенные прелаты, какъ своими древностями, такъ и современнымъ положеніемъ. Здѣсь можетъ быть старыя развалины навѣяли на Монтескье идею его «Разсужденія о причинахъ величія и паденія римлянъ».

Передъ отъѣздомъ Монтескье представился папѣ, который принялъ его весьма любезно и въ видѣ особой милости разрѣшилъ ему и членамъ его семьи не соблюдать постовъ втеченіи всей жизни; Монтескье поблагодарилъ, и аудіенція кончилась. Вдругъ на другой день ему доставили папскую буллу объ освобожденіи отъ постовъ и громадный счетъ. Монтескье отдалъ посланному буллу и счетъ, прибавивъ: «папа человѣкъ честный, мнѣ довольно его слова».

* * *

Посѣтивъ Неаполь, Пизу, Геную, причемъ ни въ одномъ изъ этихъ городовъ онъ не останавливался надолго, Монтескье наконецъ прибылъ во Флоренцію. Здѣсь его задержали нестолько достопримѣчательности города, сколько обворожительная маркиза Феррони — умная и красивая женщина, собиравшая въ своемъ салонѣ цвѣтъ флорентинскаго общества. «Это прекрасный городъ,— писалъ Монтескье, — женщины тутъ такъ же свободны, какъ во Франціи, но это не такъ бросается въ глаза, и онѣ не отличаются тѣмъ особаго рода презрѣніемъ къ своему положенію, которое ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть признано заслуживающимъ одобренія. Тутъ царитъ вѣжливость, умъ и даже знаніе».

Пребываніе въ Италіи, помимо массы завязанныхъ Монтескье знакомствъ и ознакомленія съ нравами, историческими памятниками и бытомъ страны, оказалось для него въ высшей степени полезнымъ еще и потому, что онъ здѣсь познакомился съ лучшими

произведеніями искусства и такимъ образомъ пополнилъ важный пробѣлъ въ своемъ образованіи.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Италіи, мои глаза открылись по отношенію къ искусству, о которомъ я раньше не имѣлъ никакого представленія», — писалъ Монтескье. Очень возможно поэтому, что здѣсь впервые задумано имъ «Изслѣдованіе о вкусѣ».

Послѣ Флоренціи заслуживаетъ упоминанія посѣщеніе Турина, гдѣ онъ близко познакомился съ маркизомъ де-Бреилемъ, его братомъ командоромъ Соларомъ, маркизомъ Сенъ-Жерменъ. Дружба съ Соларомъ продлилась почти на всю жизнь Монтескье.

Далѣе Монтескье проѣхалъ по Рейну въ Голландію, посѣтилъ Люксембургъ и Ганноверъ. Въ это время Честерфильдъ, съ которымъ Монтескье разстался въ Италіи, занималъ уже постъ англійскаго посланника въ Голландіи. Они встрѣтились и вновь рѣшили отправиться вмѣстѣ въ Англію на яхтѣ Честерфильда. Гостепріимный лордъ пригласилъ Монтескье жить въ Лондонѣ въ его домѣ во все время пребыванія Монтескье въ Англіи. Отплыли они изъ Гаги 31-го октября 1729 года.

* * *

Послѣ революціи 1688 года Англія вновь сдѣлалась страной политической свободы, страной свободной мысли и свободнаго слова. Религіозные вопросы успѣли отойти на задній планъ и общество было занято вопросами политическими, соціальными и научными. Лондонъ былъ въ это время всесвѣтною школою свободной философіи и его справедливо сравнивали съ Аѳинами.

Монтескье, по обыкновенію, прежде всего постарался сойтись съ замѣчательными людьми всякаго рода и со знатью, что ему не трудно было сдѣлать, пользуясь гостепріимствомъ лорда Честерфильда, имѣвшаго весьма широкій кругъ знакомства. Среди этихъ знакомыхъ Честерфильда выдѣлялся особенно зять знаменитаго Мальборо, герцогъ Монтегю. Это былъ эксцентричнѣйшій человѣкъ, который, пригласивъ Монтескье къ себѣ въ замокъ и желая, какъ онъ говорилъ, принять нашего путешественника, какъ посла, устроилъ ему неожиданное купанье въ холодной водѣ.

Тридцать лѣтъ спустя, Монтескье, вспоминая этотъ случай, говорилъ: «несомнѣнно, случай странный, но путешественники

принуждены принимать все, какъ должное». У Честерфильда онъ встрѣчалъ Вальполя, Свифта и Попа и кромѣ того многихъ литераторовъ и ученыхъ. такъ что вскорѣ завязалъ самыя тѣсныя сношенія со всѣмъ ученымъ и литературнымъ міромъ Англіи. 26-го февраля 1730 года онъ былъ даже избранъ членомъ королевскаго общества, съ которымъ затѣмъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ и по возвращеніи во Францію.

Особенно привлекали къ себѣ его вниманіе государственныя учрежденія Англіи. Онъ посѣщалъ парламентъ и разъ присутствовалъ при интересномъ состязаніи оппозиціи и министерства, длившемся болѣе 12-ти часовъ. Состязались въ этотъ день главнымъ образомъ лордъ Болингброкъ и Вальполь. Наконецъ онъ былъ представленъ и ко двору. Королева Шарлотта, любившая общество ученыхъ, запросто бесѣдовавшая съ Ньютономъ и Локкомъ, заинтересовалась также и нашимъ путешественникомъ, который затѣмъ удостоился нѣсколько разъ новыхъ приглашеній ко двору. Наконецъ около апрѣля 1731 года Монтескье оставилъ Англію и вернулся въ свой замокъ Ла-Бредъ.

Изъ всѣхъ путешествій Монтескье, пребываніе въ Англіи оставило на немъ самый глубокій слѣдъ. Да это и понятно, такъ какъ въ то время Англія была самой просвѣщенной, самой свободной страной въ Европѣ, и потому въ ней было чему поучиться и что посмотрѣть человѣку, одушевленному стремленіемъ къ свободѣ, но на своей родинѣ встрѣчавшему лишь безпрекословный произволъ власти. Припомнимъ, что Вольтеръ и Бюффонъ также многимъ обязаны своему пребыванію въ Англіи.

Монтескье проникся здѣсь уваженіемъ къ конституціонному режиму, сталъ придавать меньше значенія религіознымъ вопросамъ; здѣсь созрѣла его знаменитая теорія раздѣленія властей. Онъ, какъ посторонній наблюдатель, могъ вѣрнѣе самихъ англичанъ оцѣнить достоинства ихъ государственнаго устройства, незамѣтныя для нихъ по привычкѣ, и научить Европу пользоваться тѣмъ, что выработано этимъ великимъ народомъ.

Но здѣсь же зато укрѣпились нѣкоторые предразсудки Монтескье. Такъ, проникшись уваженіемъ къ англійской аристократіи, шедшей рука объ руку съ народомъ, Монтескье перенесъ это уваженіе на привилегированные классы вообще и, не съумѣвъ понять,

что развращенное французское дворянство неспособно ни къ какой серьезной политической роли, тѣмъ не менѣе сдѣлался защитникомъ его привилегій, полагая, что и во Франціи оно можетъ имѣть значеніе силы, сдерживающей произволъ.

Монтескьо въ дружеской бесѣдѣ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ посѣщенныя имъ страны: «Германія создана, чтобы по ней путешествовать, Италія, — чтобы временно проживать въ ней, Англія,—чтобы тамъ мыслить, и Франція,— чтобы жить въ ней».

IV.

Частная жизнь и «Размышленія о причинахъ величія и паденія римлянъ».

Жизнь въ замкѣ Ла-Бредъ.—Частныя дѣла.—Аристократизмъ Монтескье.—Монтескье хозяинъ и администраторъ своихъ имѣній.—«Размышленія о причинахъ величія и паденія римлянъ» и подготовительныя къ нимъ работы.

Со времени возвращенія изъ путешествій Монтескье жилъ постоянно около полугода въ Парижѣ и полгода въ своемъ замкѣ. Въ деревню Монтескье уѣзжалъ, чтобы въ тиши работать надъ своими произведеніями; а въ Парижѣ онъ подготовлялъ и обдумывалъ ихъ. Здѣсь, въ живой бесѣдѣ по интересующимъ его вопросамъ, онъ старался выяснить еще болѣе свою мысль, выслушать возраженія и взвѣсить ихъ. Поэтому онъ искалъ подходящаго общества и бывалъ всюду. Особенно конечно полезно было для него посѣщеніе разнообразныхъ салоновъ, которые дѣйствительно собирали массу блестящихъ и умныхъ людей и гдѣ въ живой и легкой бесѣдѣ обсуждались самые сложные философскіе вопросы. До извѣстной степени подъ вліяніемъ этихъ салоновъ выработалась вся литература XVIII вѣка—легкая, изящная, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко затрогивающая сложнѣйшія проблемы, пересыпанная блестящими и остроумными афоризмами, не останавливающаяся передъ парадоксами. Монтескье особенно дѣятельно искалъ этихъ сношеній еще и потому, что никто изъ близкихъ ему людей не могъ быть ему интереснымъ собесѣдникомъ именно по предметамъ, занимавшимъ его болѣе всего. Жена Монтескье не обладала блестящимъ умомъ. Это была, какъ мы знаемъ, женщина посредственная, и Монтескье никогда не былъ съ нею особенно близокъ. Правда, онъ очень любилъ свою младшую дочь, и она была красивая, бойкая и даровитая женщина, помогавшая даже отцу въ его ра-

ботахъ тѣмъ, что читала ему вслухъ; но и она во всякомъ случаѣ не могла замѣнить ему обширныхъ знакомствъ салоновъ. Что касается сына Монтескье, котораго онъ считалъ человѣкомъ выдающимся, то въ дѣйствительности это былъ хотя и весьма почтенный, но самый посредственный человѣкъ. Тоже надо сказать о младшемъ братѣ Монтескье, низорскомъ аббатѣ. Единственное исключеніе изъ всѣхъ окружавшихъ Монтескье лицъ составлялъ его секретарь, молодой врачъ, впослѣдствіи извѣстный химикъ, Дорсе. Онъ былъ воспитателемъ внука Монтескье и вмѣстѣ съ тѣмъ его помощникомъ и даже сотрудникомъ въ литературныхъ трудахъ: Монтескье ему довѣрялъ классификацію матеріаловъ для своихъ трудовъ. Это былъ умный и образованный человѣкъ, благодаря связямъ Монтескье получившій возможность завязать сношенія со всѣмъ ученымъ міромъ и сдѣлавшійся со временемъ академикомъ и сенаторомъ во времена 1-й имперіи.

Изъ извѣстныхъ салоновъ Монтескье посѣщалъ въ это время чаще всего салоны мадамъ Тансенъ, Жоффренъ, Рошфоръ и Эгильонъ.

* * *

Прежде всего по прибытіи во Францію Монтескье принялся за устройство своего хозяйства и вообще частныхъ дѣлъ. Впрочемъ и въ свое отсутствіе онъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось у него въ имѣніяхъ, причемъ часто въ письмахъ давалъ подробнѣйшія инструкціи и хозяйственныя распоряженія, входя во всѣ мелочи, до указанія мѣста посадки того или иного дерева включительно. Прежде всего онъ озаботился помѣщеніемъ въ коллежъ старшаго сына, которому въ то время минуло уже пятнадцать лѣтъ.

Затѣмъ онъ передѣлалъ паркъ въ своемъ замкѣ на англійскій манеръ, и это очень занимало его. Онъ писалъ своимъ друзьямъ по окончаніи этихъ преобразованій, длившихся нѣсколько лѣтъ: «Для меня будетъ праздникомъ поводить васъ по моему имѣнію ла-Бредъ, гдѣ вы найдете замокъ, прекрасно украшенный по идеѣ, заимствованной мною въ Англіи». Дѣйствительно замокъ ла-Бредъ представлялъ собою чудный уголокъ. Самый замокъ, построенный въ XIII вѣкѣ, возвышался въ видѣ башни съ зубцами наверху, очень массивной, съ почернѣвшими отъ времени камен-

ными стѣнами. Его окружали широкіе рвы, наполненные проточной водой, которая затѣмъ въ видѣ каскадовъ и ручейковъ разливалась по парку, лугамъ и полямъ. Съ юга и съ запада примыкали къ замку старинныя рощи съ вѣковыми деревьями, и на сѣверъ и на востокъ разстилались луга. Тамъ и сямъ виднѣлись кривыя и не симметричныя аллеи. Вдали тянулся столѣтній сосновый боръ. Монтескье вообще любилъ свое имѣніе и былъ къ нему привязанъ по воспоминаніямъ дѣтства. Въ этихъ помѣстьяхъ онъ провелъ полъ-жизни, въ нихъ было главное его богатство, источникъ того почетнаго положенія, которымъ пользовался онъ и которое надѣялся передать своему сыну.

Въ то время во Франціи вообще права дворянъ-землевладѣльцевъ были довольно обширны, хотя и утратили всякое политическое значеніе. Побывавъ въ Англіи, Монтескье сталъ особенно цѣнить свое аристократическое происхожденіе и нѣсколько преувеличивать вообще значеніе аристократіи въ государственной жизни. Во Франціи дворянство теряло всякое значеніе, а Монтескье мечталъ еще о славномъ и почетномъ для него будущемъ, какъ будто закрывая глаза передъ дѣйствительностью. Французское дворянство утратило всякую связь съ провинціей, поглощенное дворомъ, а Монтескье, считая привилегированные классы полезными въ государственной жизни именно по столько, по сколько они пользуются вліяніемъ на мѣстѣ, не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть этого. Онъ рѣшился составить генеалогію своего рода. Поступокъ странный со стороны автора «Персидскихъ писемъ», который писалъ въ CXIX письмѣ: «изъ духа тщеславія европейцы установили несправедливое право старшинства, которое уничтожаетъ равенство гражданъ», а въ письмѣ CXXXII еще рѣзче: «тутъ же былъ очень плохо одѣтый господинъ, который говорилъ, поднимая глаза къ небу: да благословитъ Богъ проэкты нашихъ министровъ. Дай Богъ, чтобы акціи поднялись до двухъ тысячъ и всѣ парижскіе лакеи стали богаче своихъ господъ! Я освѣдомился ради любопытства, кто это. Мнѣ сказали, что это очень бѣдный человѣкъ, да и ремесло у него самое незавидное: онъ промышляетъ генеалогіей и надѣется, что ремесло это будетъ приносить ему доходъ, если состоянія будутъ также увеличиваться и свѣже-испеченные богачи будутъ обращаться къ нему, чтобы

переправить свои фамиліи, пообчистить предковъ и украсить дверцы каретъ».

Но Монтескье самъ понималъ всю непослѣдовательность своего поступка и написалъ въ своихъ замѣткахъ: «я велѣлъ сдѣлать довольно большую глупость: составить мою генеалогію!» Кромѣ того Монтескье хлопоталъ о возведеніи его въ достоинство маркиза, которое считалось выше баронскаго. Ему обѣщали. Удалось ли ему добиться въ этомъ случаѣ своего желанія, точно неизвѣстно, но повидимому удалось, такъ какъ синдикъ г. Бордо въ оффиціальной бумагѣ, сохранившейся въ архивахъ, называетъ его маркизомъ. Тутъ же кстати будетъ сказать, что въ своемъ завѣщаніи Монтескье доказалъ, что для него эта возня со своими предками и титулами не была пустой забавой. Онъ во-первыхъ установилъ въ своихъ имѣніяхъ майоратъ, во-вторыхъ, на случай смерти его сына бездѣтнымъ, распорядился о переходѣ его имѣній и титуловъ безраздѣльно къ потомству старшей дочери и т. д. То-же самое показываютъ и его заботы о томъ, чтобы посредствомъ браковъ своихъ дѣтей увеличить свои аристократическія связи. Такъ, сына своего женилъ онъ на Мари де-ла-Туръ де-Монъ баронессѣ де-Сузанъ, а дочерей выдалъ замужъ за родовитыхъ дворянъ, изъ которыхъ второй его зять Секонда былъ его родственникъ. Но относясь такъ серьезно къ своему происхожденію. Монтескье довольно умѣренно пользовался своими феодальными правами. Правда, онъ писалъ напримѣръ по поводу браконьеровъ, что это «двупогія животныя, для уменьшенія количества которыхъ слѣдовало-бы поставить капканы», но тѣмъ не менѣе, при случаѣ, самъ покупалъ по хорошей цѣнѣ дичь, убитую на его земляхъ. Къ своимъ крестьянамъ и арендаторамъ онъ относился мягко, запросто разговаривалъ съ ними объ ихъ дѣлахъ, при случаѣ помогалъ словомъ и дѣломъ, входилъ въ ихъ взаимныя отношенія, разбиралъ споры, если къ нему обращались, и взималъ весьма умѣренный оброкъ и арендную плату.

* * *

Монтескье былъ очень искуснымъ хозяиномъ и администраторомъ своихъ имѣній. Онъ довелъ свои доходы до шестидесяти тысячъ франковъ въ годъ, что составляетъ весьма круглую цифру для того времени. И онъ могъ смѣло сказать о себѣ: «я не пе-

реставалъ кажется увеличивать свое состояніе; я произвелъ громадныя улучшенія на моихъ земляхъ». Дѣйствительно самимъ Монтескье или его арендаторами по его указаніямъ произведены обширныя ирригаціонныя работы; введенъ посѣвъ клевера, совершенно неизвѣстнаго въ то время въ Гіэни, расчищены ланды; построено много новыхъ хуторовъ, разбиты новые виноградники по безплоднымъ до той поры землямъ и т. д. Особенно много труда стоила ему послѣдняя затѣя, такъ какъ тутъ, кромѣ природы, пришлось бороться еще съ администраціей, потому что существовало старое запрещеніе разводить новые виноградники въ Гіэни. Монтескье добился таки своего и ему разрѣшено было засадить виноградомъ огромную площадь дикихъ земель.

Онъ былъ опытнымъ коммерсантомъ и прекрасно сбывалъ свои продукты, особенно вино, для чего пытался завести сношенія съ Англіей непосредственно и чутко слѣдилъ за состояніемъ рынка. Ему приходилось для защиты своихъ правъ вести много процессовъ, большинство которыхъ онъ всегда впрочемъ кончалъ мировыми сдѣлками.

Онъ велъ процессъ съ гор. Бордо о землѣ, такъ какъ граница его и городскихъ владѣній не была точно извѣстна, и оттягалъ изрядный кусокъ спорной земли. Случалось Монтескье вести процессы и для другихъ. Особенно курьезно, что онъ однажды выступилъ въ защиту правъ монастыря, въ которомъ его младшій братъ былъ аббатомъ, защищалъ интересы монаховъ, осмѣянныхъ имъ въ «Персидскихъ письмахъ». Въ личной жизни Монтескье былъ въ высшей степени экономенъ, носилъ всегда самое простое платье, не терпѣлъ роскоши и излишества и былъ даже нѣсколько скупъ, что не мѣшало ему при случаѣ раскошеливаться, если онъ это считалъ полезнымъ или необходимымъ. Такъ, на путешествія онъ не пожалѣлъ истратить много денегъ, а когда въ 1747 г. въ Гіэни былъ голодъ, Монтескье изъ своихъ средствъ прокормилъ всѣ находившіяся на его земляхъ деревни, что обошлось ему не дешевле шести съ половиною тысячъ ливровъ.

* * *

Въ то же время литературные труды не переставали занимать его главное вниманіе. Онъ работалъ въ это время надъ «Духомъ Законовъ», но, подготовляясь къ этому труду, какъ-то не-

вольно палъ на мысль написать исторію Рима. Еще на школьной скамьѣ онъ сдѣлалъ на латинскомъ языкѣ набросокъ исторіи Рима, въ юности онъ написалъ рѣчь о Цицеронѣ, въ Бордоской академіи читалъ «о политикѣ римлянъ въ области религіи», а въ клубѣ Антресоля—діалогъ «Сулла и Эвкратъ». Сюжетъ ему былъ знакомъ, древность интересовала его съ юныхъ лѣтъ, а послѣ путешествія и пребыванія въ Римѣ его знакомство съ римскою жизнью стало еще болѣе обширнымъ. Монтескье писалъ изъ Рима: «никакъ невозможно оторваться отъ римлянъ... Еще и теперь въ ихъ столицѣ оставляешь невольно новые дворцы, чтобы разыскивать развалины». Онъ дѣятельно принялся за чтеніе источниковъ, причемъ многія выборки дѣлалъ для него одинъ бенедиктинскій монахъ, Сенъ-Моръ, котораго Монтескье пріютилъ у себя послѣ того, какъ тотъ сбѣжалъ изъ своего монастыря. Но Монтескье прежде, чѣмъ приняться за свой трудъ, написалъ двѣ маленькія монографіи изъ исторіи римлянъ, прочитанныя имъ въ 1731, 1732 годахъ въ Бордоской академіи. Въ это время вѣроятно «Размышленія о причинахъ величія и паденія римлянъ», въ свою очередь служившія какъ бы подготовительной работой къ «Духу Законовъ», были начаты. Монтескье вообще работалъ не скоро. Мы знаемъ, что онъ даже въ болѣе мелкихъ вещахъ многое измѣнялъ, перечитывалъ, поправлялъ.

Небольшой сравнительно трудъ Монтескье, раздѣленный на двадцать три главы, заключаетъ въ себѣ всю исторію Рима отъ его основанія до паденія. Монтескье собственно написалъ не исторію Рима, а философію этой исторіи. Событій онъ почти не описываетъ и не останавливается на нихъ, а его занимаетъ главнымъ образомъ ихъ объясненіе, котораго онъ ищетъ въ постоянно присущихъ человѣку психологическихъ свойствахъ. Въ книгѣ Монтескье видно близкое и вѣрное знакомство съ древнимъ Римомъ. Правда, многіе историческіе факты имъ не провѣрены и передаются со словъ римскихъ историковъ: позднѣйшая критика многое тутъ измѣнила, многое отвергла, какъ простую басню: но Монтескье на это и не обращалъ особаго вниманія: его интересовали общія черты быта римлянъ, складъ ихъ жизни, ихъ характеръ, выработанный этою жизнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ его трудъ не отличается особенной объективностью и безстрастностью. Въ книгѣ

постоянно попадаются намеки на современныя событія. Да иначе и не могъ впрочемъ писать авторъ «Персидскихъ писемъ». Онъ слишкомъ глубоко понималъ, что всякое знаніе и все, что совершается въ мірѣ, дѣлается ради человѣка, ради человѣческихъ цѣлей.

Въ этомъ своемъ трудѣ Монтескье ясно высказываетъ и доказываетъ существованіе причинной связи между историческими событіями. «Такъ какъ люди,—говоритъ онъ,—имѣли во всѣ времена тѣ же страсти, то хотя поводы великихъ переворотовъ различны, но причины всегда одинѣ и тѣ же».

Монтескье, пересматривая вновь книгу для новаго изданія, хотѣлъ включить въ нее главу объ англійскихъ политическихъ учрежденіяхъ, но потомъ оставилъ эту мысль, и глава объ англійской конституціи вошла современемъ въ «Духъ Законовъ».

По окончаніи этого труда Монтескье опять пожелалъ посовѣтываться съ кѣмъ нибудь относительно достоинствъ книги, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ его всегда одолѣвали разныя сомнѣнія; теперь кромѣ того онъ желалъ современемъ издать свои «Размышленія» въ Парижѣ и получить королевскую привилегію на изданіе, чего ему и удалось достигнуть. Потому-то просмотръ книги былъ порученъ іезуитскому священнику, отцу Кастель, репетитору сына Монтескье. Это былъ довольно извѣстный математикъ и искренне религіозный человѣкъ, котораго Вольтеръ называлъ «сумасшедшимъ математикомъ», а Монтескье—«арлекиномъ философіи». Монтескье просилъ его исправить книгу «въ религіозномъ отношеніи», на что Кастель охотно согласился.

«Величіе Римлянъ» издавалось въ Голландіи. Кастель получалъ корректурные листы въ Парижѣ и исправлялъ ихъ по своему. Дѣло дошло до того, что одинъ изъ друзей Монтескье хотѣлъ «подавить» его свободу, опасаясь какъ бы книга черезъ чуръ ужъ не пострадала отъ чрезмѣрнаго усердія іезуита. Монтескье однако одобрилъ поправки отца Кастель и просилъ его напротивъ продолжать просмотръ изданія. Кастель написалъ о «Величіи Римлянъ» хвалебный отзывъ, снабженный обширными извлеченіями. Книга ни въ голландскомъ, ни во французскомъ изданіи не произвела особаго впечатлѣнія на публику. Положимъ, общественное вниманіе было поглощено вопросомъ о престолонаслѣдіи въ Польшѣ и все еще не смолкавшими спорами о буллѣ Unigenitus. Въ сало-

нахъ Парижа даже говорили, что «Персидскія письма» были величіемъ Монтескье, а «Размышленія о величіи римлянъ»—его упадкомъ. Но въ Англіи книга сразу обратила на себя вниманіе и вскорѣ была переведена на англійскій языкъ. Въ Голландіи разошлись три контрафакціонныхъ изданія, въ Пруссіи появился нѣмецкій переводъ, а Фридрихъ Великій испещрялъ поля своего экземпляра всевозможными, иногда очень пространными примѣчаніями.

* * *

Значеніе «Величія римлянъ» для исторіи отчасти вкратцѣ указано нами выше. Дѣйствительно, состояніе исторической литературы того времени было таково, что появленіе небольшой книги Монтескье, въ которой отсутствуетъ безплодное исканіе конечныхъ причинъ историческихъ явленій и нѣтъ постоянныхъ ссылокъ на невидимый перстъ Провидѣнія, но въ которой за то авторъ старался найти связь между событіями и объяснить послѣдующія явленія на основаніи предшествующихъ имъ,—появленіе подобной книги было цѣлымъ событіемъ, которое прошло сравнительно мало замѣченнымъ во Франціи, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ.

Монтескье старался показать въ своемъ трудѣ на примѣрѣ римской исторіи, что историческими явленіями управляютъ общія причины, лежащія какъ во внѣшнихъ условіяхъ среды, такъ и въ самомъ человѣкѣ. Объясненія, данныя Монтескье многимъ событіямъ римской исторіи, его указанія на экономическую неурядицу, какъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ паденія Имперіи, его пониманіе завоевательной политики римлянъ республиканской эпохи,—все это осталось вѣрнымъ и незыблемымъ до нашихъ дней, не смотря на громадные успѣхи, сдѣланные исторической наукой съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ свою книгу. Нужно удивляться, какъ при томъ скудномъ запасѣ точныхъ данныхъ объ исторіи Рима, какой былъ въ рукахъ Монтескье, онъ съумѣлъ такъ вѣрно въ общемъ оцѣнить отдѣльныя событія и такъ глубоко понять ихъ общее значеніе и ихъ причины.

Послѣ изданія «Размышленій» Монтескье втеченіи 10 лѣтъ не издалъ ничего выдающагося. Онъ былъ занятъ главнымъ обра-

зомъ очевидно работой надъ «Духомъ Законовъ». Но всетаки въ это время онъ написалъ кое-что новое, исправлялъ для новыхъ изданій старые труды, дѣятельно поддерживалъ переписку съ учеными почти всѣхъ странъ Европы и со своими друзьями.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ исторіи Людовика XI. Этотъ трудъ не дошелъ до насъ, благодаря несчастной случайности. Дѣло въ томъ, что Монтескье отдалъ оконченную рукопись въ переписку и велѣлъ секретарю сжечь черновую тетрадь. Секретарь по ошибкѣ сжегъ переписанный экземпляръ, а Монтескье, увидавъ у себя на столѣ черновую и не зная объ ошибкѣ секретаря, сжегъ и ее. Сохранился одинъ небольшой отрывокъ, въ которомъ описывается политическое состояніе Франціи во время вступленія на престолъ Людовика XI, а затѣмъ Монтескье старается доказать, что все, что сдѣлано Людовикомъ, сдѣлано имъ благодаря исключительно благопріятно для него сложившимся обстоятельствамъ, а никакъ не благодаря его генію или талантливости. Для Нансійской академіи, членомъ которой онъ былъ избранъ, Монтескье написалъ исторію Лизимаха.

Въ 1742 году появилось исправленное и дополненное изданіе «Храма въ Книдѣ»; въ 1744 — дополненіе къ «Персидскимъ письмамъ», съ предисловіемъ, въ которомъ авторъ защищается противъ нападокъ на нѣкоторыя мѣста книги, содержащія, по мнѣнію критиковъ, антирелигіозныя мысли и выходки.

Прибавленіе это содержитъ двѣнадцать писемъ. Въ рукописяхъ Монтескье сохранилось однако подъ рубрикой «Дополненіе къ Персидскимъ письмамъ» не 20, а 41 письмо, изъ которыхъ большинство посвящено политическимъ событіямъ до конца управленія кардинала Флери. Въ 1745 г. былъ опубликованъ самимъ Монтескье въ «Меркуріи Франціи» діалогъ «Сула и Эвкратъ». Наконецъ въ 1747 г. появляется новое изданіе «Путешествія на островъ Наѳосъ», а въ 1748 г. новое изданіе «Размышленія о причинахъ величія и паденія римлянъ», пересмотрѣнное совершенно за-ново, съ дополненіями, доходившими въ общей сложности до 10 страницъ.

V.

«Духъ Законовъ».

«Духъ Законовъ».—Продолжительность предварительной работы и окончательной обработки текста.—Пріемъ «Духа Законовъ» во Франціи и за-границей.—Преслѣдованія духовной власти.—Содержаніе «Духа Законовъ» и политическіе взгляды Монтескье.

Монтескье называетъ «Духъ Законовъ» трудомъ всей своей жизни и это въ значительной степени справедливо. Уже на школьной скамьѣ и при изученіи права онъ задумывался, какъ мы знаемъ, о значеніи права въ общественной жизни. «Персидскія письма» и «Размышленія о величіи римлянъ» содержатъ въ зачаточномъ состояніи много идей, долженствовавшихъ получить дальнѣйшее развитіе въ «Духѣ Законовъ». Монтескье началъ писать самый текстъ своего труда вскорѣ послѣ изданія «Персидскихъ писемъ», т. е. около 1724 года, а во время путешествій «Духъ Законовъ» сталъ уже цѣлью его жизни, такъ какъ и самыя путешествія были предприняты въ значительной степени ради ознакомленія на мѣстѣ съ учрежденіями другихъ странъ. Въ 1736 году д'Аржансонъ, съ которымъ Монтескье познакомился въ клубѣ Антресоля, видалъ уже отрывки этого труда. Но окончательно засѣлъ за работу Монтескье лишь съ 1743 года, запершись въ своемъ замкѣ и мало показываясь въ свѣтѣ втеченіи двухъ лѣтъ вдали отъ парижскихъ развлеченій Къ этому времени у него была собрана масса необходимаго матеріала, перечитана

цѣлая литература. Эрудиція Монтескье просто поражала его современниковъ. Но кромѣ литературныхъ источниковъ, Монтескье широко пользовался своими замѣтками. Какъ мы знаемъ, онъ втеченіи всей своей жизни имѣлъ обыкновеніе вечеромъ записывать впечатлѣнія дня, чѣмъ нибудь замѣчательныя мысли и разговоры,—и такимъ образомъ записи представляли цѣлый результатъ многолѣтнихъ наблюденій такого наблюдателя, какимъ былъ Монтескье. Не даромъ одинъ критикъ сказалъ, что многія книги XVIII вѣка созданы въ салонныхъ разговорахъ, а въ замѣткахъ Монтескье записано не мало его бесѣдъ съ выдающимися людьми его эпохи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Монтескье, вынашивая втеченіи 20 лѣтъ свое произведеніе, конечно бралъ всюду то, что́ было пригодно для его цѣли, и вѣроятно никакая эрудиція не могла бы дать ему того, что онъ почерпалъ въ живомъ общеніи съ людьми. Въ это время зрѣніе Монтескье уже значительно ослабѣло, и онъ принужденъ былъ большую часть текста диктовать. Можетъ быть этимъ объясняется краткость и выразительность стиля, характеризующая его произведенія вообще, но особенно отличающая «Духъ Законовъ».

По окончаніи своего труда, Монтескье пригласилъ для его прочтенія сына, аббата Гуаско и президента Барбо, провинціальнаго друга Монтескье. Чтеніе происходило въ Бордовъ квартирѣ Барбо и началось 12-го февраля 1745 года. Оно продолжалось нѣсколько дней подрядъ съ небольшими лишь перерывами для необходимаго отдыха и для ѣды. Во время чтенія присутствующіе свободно дѣлали свои замѣчанія и Монтескье охотно соглашался на поправки, необходимыя дополненія и разъясненія неясныхъ мѣстъ. Конечно замѣчанія эти касались деталей, а не существенныхъ идей книги, выработанныхъ Монтескье путемъ слишкомъ долгаго и основательнаго размышленія, чтобы мѣнять ихъ по указаніямъ его слушателей.

Но Монтескье продолжалъ просматривать и окончательно отдѣлывать свой трудъ и послѣ этого чтенія. Къ августу 1745 года онъ окончилъ первыя 30 книгъ и лишь къ іюлю 1747 года—весь трудъ.

Втеченіи этого времени Монтескье находился въ весьма перемѣнчивомъ настроеніи духа. То ему казалось, что онъ не кон-

читъ своего труда, и онъ писалъ: «жизнь моя идетъ впередъ, а трудъ — назадъ», то снова бодро принимался за работу и тогда уже восклицалъ: «въ три дня я исполнилъ трехмѣсячную работу!» Монтескье съ готовою рукописью отправился въ Парижъ, чтобы тамъ еще разъ обсудить съ пріятелями и знакомыми свое дѣтище прежде, чѣмъ издать его. Это вторичное чтеніе состоялось по всей вѣроятности въ квартирѣ президента парижскаго парламента и члена академіи Гено, друга Монтескье, кромѣ котораго присутствовали извѣстный финансистъ Силуэттъ, Гельвеціусъ, драматургъ Сорси, романистъ Кребильонъ и Фонтенель. Гено нашелъ, что трудъ производитъ впечатлѣніе чего-то недодѣланнаго, Силуэттъ посовѣтывалъ просто сжечь рукопись, Кребильонъ и Фонтенелль совѣтывали не издавать ея. Гельвеціусъ написалъ даже мотивированное мнѣніе, также неблагопріятное для книги.

Около этого времени Монтескье прибавилъ къ «Духу Законовъ» предисловіе.

Однако Монтескье не рѣшился ни сжечь рукописи, ни спрятать ея, а напротивъ приступилъ къ ея изданію. Въ немъ слишкомъ сильна была увѣренность въ томъ, что это—его лучшій трудъ. Издать книгу Монтескье рѣшилъ въ Женевѣ, такъ какъ, благодаря старинным привилегіямъ, этотъ городъ могъ довольно свободно провозить произведенія своихъ типографій во Францію. Кромѣ того еще въ Римѣ Монтескье познакомился съ женевскимъ пасторомъ и профессоромъ теологіи Якобомъ Верне, которому и рѣшился поручить изданіе. Швейцарскій посланникъ Мюссоръ взялся доставить рукопись по назначенію. Монтескье просилъ Верне дѣлать ему чистосердечно всякія замѣчанія, какія ему придутъ въ голову. Верне понялъ эту просьбу въ смыслѣ разрѣшенія дѣлать самому незначительныя поправки, чѣмъ Монтескье повидимому остался не совсѣмъ доволенъ. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи, въ письмѣ къ Юму по поводу англійскаго изданія «Духа Законовъ», онъ прямо выразилъ это и препроводилъ ему необходимыя поправки мѣстъ, искаженныхъ въ первомъ женевскомъ изданіи.

Однако эти мелкія поправки не возбудили явныхъ споровъ и несогласій, но зато два раза едва не возникло серьезнаго разно-

гласія между авторомъ и Верне по другимъ поводамъ. Во-первыхъ, Монтескье желалъ въ началѣ XX книги помѣстить воззваніе къ Музамъ, но Верне возсталъ противъ этого, находя подобную вставку въ серьезномъ трудѣ неумѣстной, и добился своего; во-вторыхъ, Монтескье желалъ исключить главу о lettres de cachet; на этотъ разъ Верне не удалось отстоять этой главы и она была исключена. Воззваніе къ Музамъ было впослѣдствіи разыскано, но злополучная глава такъ и пропала. Мы думаемъ, что въ обоихъ случаяхъ Верне былъ правъ.

Наконецъ въ ноябрѣ 1748 года «Духъ Законовъ» появился въ свѣтъ. Графъ д'Аржансонъ, завѣдывавшій иностранной цензурой, далъ молчаливое разрѣшеніе на ввозъ книги во Францію, но Монтескье не долго пользовался этой льготой, такъ какъ по внушенію свыше скоро разрѣшеніе было замѣнено формальнымъ запрещеніемъ. Но даже это оказавшееся фиктивнымъ разрѣшеніе было куплено цѣною довольно значительнаго количества измѣненій въ первоначальномъ текстѣ, не измѣнявшихъ впрочемъ существа мысли автора, а касавшихся неловкихъ или рѣзкихъ, по мнѣнію цензуры, выраженій. Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ поправокъ. Такъ, въ первоначальномъ текстѣ было просто сказано: «Совѣтъ государя совершенно не пользуется довѣріемъ народа», а въ измѣненномъ текстѣ прибавлено: не пользуется *въ достаточной степени* довѣріемъ народа. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорилось: «если найдется въ народѣ честный человѣкъ.... то кардиналъ Ришелье объявляетъ, что монархъ не долженъ пользоваться его услугами» слово, «объявляетъ» было замѣнено словомъ «инсинуируетъ».

* * *

Въ тѣ времена во Франціи автору не всегда сходило съ рукъ хотя бы и не подписанное имъ сочиненіе, неугодное правительству, но Монтескье избѣгалъ личныхъ непріятностей, благодаря своей относительной осторожности, своимъ связямъ и высокому положенію въ обществѣ. Д'Аржансонъ писалъ въ своихъ мемуарахъ по этому поводу: «авторъ «Духа Законовъ» къ счастью свѣтскій человѣкъ, онъ нравится въ обществѣ, имѣетъ тамъ дру-

зей и такимъ образомъ ему лично не сдѣлаютъ за эту книгу непріятностей болѣе, чѣмъ онъ имѣлъ за «Персидскія письма».»

Не смотря на запрещеніе, книга конечно ввозилась во Францію; кромѣ того многіе высокопоставленныя лица получали разрѣшеніе на выписку экземпляра для себя. Въ салонахъ во всякомъ случаѣ заговорили о ней и первое время, надо признаться, не особенно благосклонно. У m-me Жоффренъ пѣкій парламентскій совѣтникъ, авторъ весьма посредственнаго «Изслѣдованія о правѣ и морали», считалъ Монтескье своимъ соперникомъ и пресерьезно увѣрялъ, что послѣдній часто пользуется заимствованіями изъ его книги, эксплуатируетъ его идеи. Журналы также помѣстили много недоброжелательныхъ отзывовъ. Особенно вознегодовали янсенисты, такъ какъ въ «Духѣ Законовъ» отдавалось должное историческимъ заслугамъ ихъ вѣчныхъ враговъ, іезуитовъ. Аббатъ Деларошъ называлъ «Духъ Законовъ» скандалезной и неприличной книгой. Особенно обрушилась критика на XV книгу, гдѣ Монтескье пытается доказать вліяніе климата на человѣческіе нравы и учрежденія. Появился цѣлый рядъ книгъ, спеціально посвященныхъ критикѣ великаго творенія Монтескье. Вольтеръ, подъ предлогомъ защиты Монтескье отъ нападокъ его враговъ, также обрушился на него за недостатокъ порядка и системы въ его трудѣ, утверждая даже, что Монтескье дѣлаетъ невѣрныя и прямо ложныя цитаты. Таковъ былъ первоначальный пріемъ, оказанный «Духу Законовъ» во Франціи.

Но подобное отношеніе должно было скоро смѣниться инымъ, болѣе серьезнымъ. Дѣло въ томъ, что всеобщій скептетизмъ начиналъ уже смѣняться чисто созидательной работой философіи XVIII вѣка. Съ 1745 года, т. е. со времени воцаренія, если можно такъ выразиться, мадамъ Помпадуръ, литература вздохнула свободнѣе. Въ это время Бюффонъ написалъ «Естественную исторію», Дидро—«Письма о слѣпыхъ и глухонѣмыхъ», Вольтеръ—«Изслѣдованіе о правахъ», Руссо—«Слово противъ неравенства». Къ государственнымъ дѣламъ призывалась уже та буржуазія, которая должна была со временемъ потребовать созванія генеральныхъ штатовъ. Въ такихъ условіяхъ надлежащая оцѣнка и должный пріемъ «Духу Законовъ» былъ вопросомъ непродолжительнаго времени.

Между тѣмъ пока Монтескье былъ вознагражденъ за неудачу во Франціи успѣхомъ его труда за-границей. Прежде всего въ Италіи «Духъ Законовъ» обратилъ на себя общее вниманіе. Сардинскій король увлекался его чтеніемъ и заставлялъ сына своего дѣлать изъ книги извлеченія. Онъ весьма благосклонно отнесся къ переводу «Духа Законовъ» на итальянскій языкъ, предпринятому другомъ Монтескье, аббатомъ Гуаско, и разрѣшилъ публичныя чтенія о немъ въ королевскомъ туринскомъ обществѣ. Прусскій король тщательно изучалъ «Духъ Законовъ». Въ Швейцаріи книга расходилась весьма быстро. Особенно оцѣнили ее въ Англіи. Юмъ испросилъ разрѣшеніе автора на ея изданіе въ Англіи. Лордъ Честерфильдъ писалъ Гуаско по поводу «Духа Законовъ»: «Жаль, что г. президентъ Монтескье, очевидно удерживаемый страхомъ передъ властью, не рѣшился высказать все. Прекрасно чувствуется, въ общихъ чертахъ, что онъ желалъ бы сказать объ извѣстныхъ вопросахъ, но онъ не выражается достаточно ясно и сильно. Гораздо лучше можно было бы знать, что онъ думаетъ, еслибы онъ могъ писать въ Лондонѣ и если-бы онъ родился въ Англіи».

Но наконецъ началась иная оцѣнка «Духа Законовъ» и во Франціи. Въ 1749 году нѣкій совѣтникъ Дижонскаго парламента выпустилъ книгу подъ заглавіемъ «Духъ Духа Законовъ», въ которой прекрасно разобралъ произведенія Монтескье и возбудилъ всеобщее любопытство. Мадамъ Тансенъ убѣдила одного парижскаго типографщика издать тайно въ Парижѣ «Духъ Законовъ» и устроила широкую подписку на это изданіе въ средѣ посѣтителей своего салона. Сама она подписалась на значительное количество экземпляровъ и раздавала ихъ знакомымъ. Это все конечно не могло остаться безъ вліянія на успѣхъ книги. Въ 1750 году наконецъ, при перемѣнѣ личности цензора, которымъ сталъ Мальзербъ, былъ оффиціально разрѣшенъ не только ввозъ «Духа Законовъ» во Францію, но и изданіе его въ предѣлахъ страны. Друзья убѣдили Монтескье защититься противъ нападокъ и обвиненій книги въ антирелигіозности, и въ апрѣлѣ 1750 года появилась защита «Духа Законовъ», изданная въ Парижѣ.но съ ложнымъ обозначеніемъ мѣста изданія, которое было указано въ Женевѣ.

Ловко и умно написанная защита до извѣстной степени до-

стигла цѣли, чему помогли сами противники Монтескье своею безтактностью и неумѣлостью своихъ новыхъ нападокъ.

Даламберъ также написалъ похвальный отзывъ. Но въ то-же время противъ «Духа Законовъ» начало цѣлую кампанію духовенство Франціи.

Первоначальная мысль объ изслѣдованіи и запрещеніи «Духа Законовъ» возникла на собраніи французскаго духовенства въ 1750 году, но она была отвергнута большинствомъ. Однако въ томъ же году Сорбона назначила спеціальныхъ коммисаровъ для изслѣдованія «Духа Законовъ» и «Естественной исторіи» Бюффона.

Сорбонна признала еретическими много мѣстъ «Духа Законовъ». Монтескье вначалѣ повидимому готовъ былъ бороться. «Сорбонна эта положительно вездѣ суется»,—писалъ онъ съ негодованіемъ; но, увидѣвъ, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, онъ вынужденъ былъ согласиться на требуемыя измѣненія текста. Тогда теологическій факультетъ назначилъ двухъ теологовъ, Мелле и Рено, чтобы совмѣстно съ Монтескье выработать необходимыя, по мнѣнію Сорбонны, поправки. Монтескье обѣщалъ сдѣлать новое исправленное, согласно ихъ указаніямъ, изданіе, и Сорбонна отмѣнила свое запрещеніе.

Наконецъ въ защиту Монтескье выступилъ и парижскій архіепископъ; дѣло такимъ образомъ готово было окончательно уладиться. Но въ то время изслѣдованіемъ «Духа Законовъ» заялась римская «Конгрегація Индекса», на обязанности которой лежало издавать указатель запрещенныхъ и еретическихъ книгъ для всего католическаго міра. Изслѣдованіе книги было поручено конгрегаціей своему члену Баттори. Графъ Ниверне, французскій посланникъ въ Римѣ и другъ Монтескье, конечно старался употребить все свое вліяніе, чтобы воспрепятствовать запрещенію. Онъ привлекъ на свою сторону самаго просвѣщеннаго члена конгрегаціи, кардинала Пассіонея, который въ свою очередь вмѣстѣ съ Ниверне просилъ Баттори сообщить имъ его докладъ и, если можно, переслать его заблаговременно Монтескье, чтобы онъ могъ во-время защититься. Монтескье написалъ тогда Пассіонею два письма, которыя, какъ онъ надѣялся, дойдутъ до конгрегаціи и до папы, и въ которыхъ онъ изложилъ свою защиту. Но, благодаря медленности сообщенія, письма эти, написанныя въ Гіэни еще въ

іюнѣ, не попали въ Римъ къ концу августа, когда было назначено засѣданіе конгрегаціи. Секретарь заявилъ, что болѣе откладывать нельзя. Удалось кое-какъ протянуть еще нѣсколько дней и засѣданіе состоялось въ началѣ сентября, но Баттори, по просьбѣ Пассіонея, не прочелъ своего доклада, а добился новой отсрочки. Въ концѣ сентября состоялось наконецъ рѣшительное засѣданіе конгрегаціи, на которомъ кардиналъ Квирини, предсѣдатель конгрегаціи, заявилъ, что онъ удовлетворенъ вполнѣ печатной защитой «Духа Законовъ», опубликованной Монтескье еще въ апрѣлѣ въ Парижѣ. Папа также былъ противъ запрещенія.

Однако прошелъ почти годъ, Монтескье издалъ «Духъ Законовъ» вновь, но это изданіе не заключало требуемыхъ духовной властью и обѣщанныхъ Монтескье поправокъ. Тогда конгрегація уже въ 1751 году, по докладу Эмальди, который смѣнилъ Баттори, произнесла свое запрещеніе. Но, въ вознагражденіе за видимую готовность Монтескье подчиниться указаніямъ духовной власти, этотъ декретъ почти не получилъ огласки, такъ что многіе современники даже не знали о немъ.

И готовность Монтескье подчиниться указаніямъ духовной власти не была только видимой: извѣстно, что онъ втеченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни серьезно занятъ былъ пересмотромъ и исправленіемъ для новаго изданія «Духа Законовъ», согласно указаніямъ конгрегаціи, надѣясь добиться такимъ образомъ отмѣны запрещенія книги. Трудно сказать, что побуждало нашего автора къ этому, такъ какъ въ его время запрещенія конгрегаціи не имѣли почти никакого практическаго значенія; энциклопедисты смѣялись надъ ними и считали даже особенной для себя честью, если ихъ произведенія попадали въ папскій указатель запрещенныхъ книгъ, потому что это обстоятельство только увеличивало цѣнность и занимательность книги въ глазахъ публики.

* * *

«Духъ Законовъ» несомнѣнно самое лучшее и великое изъ всѣхъ произведеній Монтескье. Въ этомъ трудѣ сказался во всю свою величину его геній, тутъ надо искать окончательно сложившихся его философскихъ и политическихъ воззрѣній. Какая упорная

работа мысли вложена Монтескье въ его любимое дѣтище, лучше всего видно изъ его собственныхъ словъ: «Много разъ, — говоритъ онъ,—я начиналъ и бросалъ свой трудъ; тысячу разъ пускалъ по вѣтру написанные листы; ежедневно чувствовалъ, что мои руки опускаются въ отчаяніи; но я все-таки продолжалъ работу, хотя и не имѣлъ опредѣленной цѣли: не различая уже ни правилъ, ни исключеній, я находилъ истину, чтобы снова потерять ее: но когда я нашелъ свои принципы, то все, чего я искалъ, само собою стало ясно для меня. Такимъ-то образомъ мое призведеніе втеченіи двадцати лѣтъ росло, двигалось впередъ и пришло къ концу».

Ввиду этого «Духъ Законовъ» имѣетъ особое значеніе для біографіи Монтескье, и мы не удалимся отъ своей непосредственной задачи, если остановимся на немъ значительно дольше, чѣмъ на остальныхъ произведеніяхъ нашего автора. Если и не совсѣмъ справедливо говорятъ многіе, писавшіе о Монтескье, что его частная жизнь не представляетъ интереса, то за то совершенно справедливо ихъ утвержденіе, что вполнѣ понять и оцѣнить личность Монтескье можно, только изучивъ его произведенія,—и это особенно приложимо къ «Духу Законовъ».

Основы общаго міросозерцанія Монтескье, на сколько онѣ нашли себѣ выраженіе, изложены въ первой книгѣ «Духа Законовъ». «Всѣ міровыя явленія,— говоритъ онъ,—подчинены опредѣленнымъ законамъ»; поэтому подъ законами въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова онъ разумѣетъ «необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей». Законы эти установлены предвѣчнымъ разумомъ, и имъ въ своей дѣятельности подчинены не только явленія внѣшняго міра, но и дѣятельность людей.

Но кромѣ міровыхъ законовъ. управляющихъ всѣми міровыми явленіями а въ томъ числѣ и общественными, люди могутъ сами создавать для себя иные законы,—законы положительные. Эти законы не отличаются такимъ безусловнымъ характеромъ, какъ законы природы, и потому допускаютъ нарушенія и могутъ быть весьма разнообразны въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуются законодателемъ при ихъ изданіи, и отъ всѣхъ вообще условій мѣста и времени. Но во всякомъ случаѣ, какъ законы природы суть проявленія предвѣчнаго разума. такъ и законы по-

ложительные призваны осуществлять справедливость, которая существовала раньше, чѣмъ были изданы первые положительные законы.

Нельзя сказать поэтому, чтобы несправедливо было лишь то, что запрещено положительнымъ закономъ; понятія законнаго и справедливаго могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и не совпадать. Человѣкъ, подчиненный, какъ существо физическое, въ своей дѣятельности законамъ природы, но могущій самъ вліять на положительное законодательство, играетъ въ общественной жизни роль самостоятельнаго фактора. Но на него въ свою очередь вліяютъ всѣ условія окружающей среды. которыя на основаніи этого и должны быть тщательно изучены.

Монтескье говоритъ: «человѣческими дѣйствіями управляютъ: климатъ, религія, законы, правительственныя распоряженія, примѣры минувшихъ событій, нравы, привычки». Всѣ эти историческіе факторы находятся въ органической связи и постоянномъ взаимодѣйствіи. Слѣдовательно, человѣческіе законы и право также должны находиться въ опредѣленномъ соотношеніи со всѣми условіями окружающей среды. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ сложныхъ отношеній и составляетъ цѣль труда Монтескье.

Такимъ образомъ Монтескье, переходя далеко за предѣлы юриспруденціи и исторіи, ставитъ передъ собою широкую задачу всесторонняго изученія общественныхъ явленій и является предтечей современной соціологіи. Онъ не строитъ отвлеченныхъ системъ и поэтическихъ утопій, а старается изучать дѣйствительность, какъ она есть, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что пониманіе этой дѣйствительности и опытъ прошлаго могутъ научить человѣчество многому и предостеречь его отъ многихъ ошибокъ, а потому онъ преслѣдуетъ практическія цѣли и пишетъ, «чтобы учить людей· и особенно французовъ, которыхъ постоянно имѣетъ въ виду.

Несмотря на значительную примѣсь раціонализма въ его остальныхъ философскихъ взглядахъ, въ нихъ чувствуется новая. свѣжая струя.

Монтескье уже не строитъ цѣлой системы государственнаго устройства и управленія на основаніи абстрактныхъ понятій о свободѣ, равенствѣ и естественныхъ правахъ человѣка, а стремится

изслѣдовать, на сколько отвѣчаютъ человѣческимъ цѣлямъ тѣ или иныя формы учрежденій, существующія въ дѣйствительности.

Такъ какъ все въ мірѣ находится во взаимной зависимости, то потому не можетъ быть такихъ учрежденій, которыя всегда и вездѣ оказались бы наилучшими. Лучшія учрежденія для каждой страны будутъ тѣ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ характеру націи, ея привычкамъ,—словомъ, всѣмъ условіямъ мѣста и времени.

Съ этой точки зрѣнія Монтескье и изслѣдуетъ всѣ существующія формы правленія, различая въ каждой принципъ и природу.

Подъ принципомъ извѣстной формы правленія Монтескье разумѣетъ тотъ соціально-психологическій факторъ, который необходимъ для прочности данной формы, а подъ природой ея—совокупность признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ формъ.

По природѣ своей правленіе можетъ быть республиканскимъ, монархическимъ и деспотическимъ, причемъ республиканское подраздѣляется еще на аристократію и демократію.

Принципами ихъ будутъ: для демократіи — добродѣтель, для аристократіи—умѣренность, для монархіи—честь, для деспотіи—страхъ.

Эта сложная классификація и особенно неопредѣленное и произвольное понятіе принципа правленія конечно не выдерживаютъ критики и отвергнуты современною наукою. Но въ свое время подобная постановка вопроса была извѣстною заслугою нашего автора. Тутъ видно уже признаніе важности изученія общества и человѣка со всѣми конкретными чертами, выработанными исторіей, въ противуположность господствовавшей школѣ естественнаго права, имѣвшей дѣло съ голыми абстракціями. Допустивъ, что человѣческая воля является однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ содержаніе и характеръ положительнаго законодательства, Монтескье невольно пришелъ къ мысли, что каждое государство преслѣдуетъ опредѣленную задачу, состоящую въ осуществленіи тѣхъ или иныхъ стремленій его гражданъ, а каждая форма правленія также отвѣчаетъ той или иной сторонѣ человѣческой природы. Отсюда-то и возникло какъ понятіе о принципѣ правленія, такъ и ученіе Монтескье о томъ, что каждое государство преслѣдуетъ въ своей дѣятельности опредѣленную цѣль. Такъ, задачею римлянъ, по мнѣнію Монтескье, было расширеніе

государственной территоріи; задача Марсели состоитъ въ развитіи торговли; древніе евреи преслѣдовали исключительно религіозныя цѣли и т. д.

Но, помимо этихъ особенныхъ для каждаго государства цѣлей, стремленіе къ политической свободѣ и благу гражданъ является для всѣхъ государствъ такой задачей, осуществленіе которой, не противорѣча инымъ государственнымъ цѣлямъ, должно въ принципѣ стоять на первомъ мѣстѣ, хотя въ дѣйствительности это далеко не всегда бываетъ такъ.

Такимъ образомъ Монтескье, признавая необходимымъ считаться съ фактами, не преклоняется передъ ними и далекъ отъ признанія разумнымъ и неизмѣннымъ всего существующаго. Напротивъ, по его мнѣнію, соціальныя отношенія подлежатъ постоянному измѣненію, однимъ изъ факторовъ котораго является человѣческая воля, а потому человѣческія стремленія и идеалы имѣютъ извѣстное вліяніе на ходъ историческихъ событій.

Что касается затѣмъ отдѣльныхъ формъ правленія, то Монтескье, на основаніи историческихъ данныхъ и многочисленныхъ личныхъ наблюденій надъ современными государствами, старается опредѣлить съ одной стороны тѣ условія, которыя необходимы для прочнаго существованія той или иной формы, и съ другой—тѣ, которыя ведутъ къ ея упадку.

Общее направленіе законодательства для прочности каждой данной формы правленія должно сообразоваться съ ея природой и принципомъ. Такъ какъ принципъ каждой формы правленія, дающій ей прочность, коренится въ психическихъ свойствахъ человѣка, поэтому законы о воспитаніи гражданъ должны имѣть важное значеніе въ государственной жизни.

Въ демократіи, принципъ которой—добродѣтель, требующій отъ гражданъ при случаѣ полнаго самоотреченія, воспитаніе получаетъ особенно выдающееся значеніе, и поэтому-то, говоритъ Монтескье, во всѣхъ демократическихъ государствахъ оно имѣетъ публичный государственный характеръ.

Демократіи не существовало въ Европѣ въ его время, а потому свое понятіе объ этой формѣ онъ строитъ на основаніи того, что ему было извѣстно о республикахъ древности. Въ этомъ и лежитъ корень ошибочныхъ сужденій Монтескье о демократіи.

Онъ не предвидѣлъ скораго наступленія господства демократіи въ Европѣ, и его сужденія о ней поэтому слишкомъ узки. Для существованія демократіи, по его мнѣнію, необходима небольшая государственная территорія, малочисленные граждане, занятые исключительно политическими дѣлами; земля дѣлится тутъ періодически между ними и власть непосредственно принадлежитъ народному собранію. Это вѣрная картина древности; но демократія можетъ существовать, какъ доказали новѣйшія событія, и внѣ этихъ условій. Демократія Монтескье далека отъ той, которой суждено было пышно расцвѣсти за Атлантическимъ океаномъ и завоевать затѣмъ полъ-міра. Но, несмотря на все это, благодаря глубинѣ ума Монтескье, многіе политическіе совѣты, извлеченные имъ изъ изученія древнихъ демократій, остаются и теперь еще весьма цѣнными и вполнѣ пригодными. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ, что если правящее въ демократіи большинство начинаетъ смѣшивать понятіе свободы со своими личными интересами, то меньшинство оказывается въ подавленномъ состояніи, и истинный принципъ демократіи—любовь къ свободѣ—является нарушеннымъ.

На сколько вѣрно это замѣчаніе Монтескье, можно заключить изъ того, что въ настоящее время вниманіе общества на западѣ серьезно занято вопросомъ объ обезпеченіи законнаго вліянія меньшинства на законодательства, и въ качествѣ средства, способнаго обезпечить это вліяніе, рекомендуется введеніе такъ называемаго пропорціональнаго представительства. Указаніе автора на важность общественнаго воспитанія въ демократіи, хотя оно заимствовано изъ исторіи, также не лишено основанія, такъ какъ народныя массы въ демократіяхъ и теперь конечно особенно нуждаются въ воспитаніи и образованіи, чтобы правильно пользоваться своими политическими правами. Да вообще подобными примѣрами можно было бы наполнить цѣлыя страницы.

Въ аристократіи, для укрѣпленія духа умѣренности, законы должны заботиться о томъ, чтобы правящіе какъ можно менѣе отличались отъ остальныхъ гражданъ даже по внѣшности, и особенно о томъ, чтобы распредѣленіе податей было равномѣрно. Но, несмотря на это, въ аристократіи всегда существуетъ опасность захвата власти кѣмъ либо изъ членовъ правящаго класса. Чтобы предотвратить возможность подобнаго захвата, необходимо такое

учрежденіе, которое было бы способно въ каждый данный моментъ устранить опаснаго члена правящаго класса, подобно эфорамъ Спарты или государственнымъ инквизиторамъ Венеціи.

Кромѣ историческихъ данныхъ объ аристократіяхъ древности, Польша и Венеція послужили для Монтескье живыми образцами, и онъ предсказываетъ имъ близкую гибель, такъ какъ онѣ выродились въ деспотіи, «имѣющія нѣсколько деспотовъ», для поддержанія власти которыхъ необходима постоянная внѣшняя опасность, что уже само по себѣ является ненормальнымъ. Но подобная аристократическая республика въ настоящее время отжила свой вѣкъ, и поэтому теперь имѣютъ мало значенія всѣ глубокія наблюденія Монтескье надъ ними.

Съ особеннымъ вниманіемъ Монтескье разсматриваетъ монархію. Оно и понятно, такъ какъ эта форма была въ его время почти исключительно господствовавшею въ Европѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большинствѣ странъ королевскій произволъ давалъ себя чувствовать слишкомъ сильно. Не предвидя близости революціи, не признавая возможности утвержденія во Франціи республики, Монтескье видѣлъ, что старая монархія падаетъ, а потому старался указать тѣ условія и реформы, при осуществленіи которыхъ монархія могла бы, по его мнѣнію, не только продержаться, но и обезпечить благосостояніе и свободу народа.

Поэтому начертанный имъ идеалъ монархіи далеко расходился съ тѣми образцами, которые представляла современная ему дѣйствительность.

Въ монархіяхъ XVIII вѣка произволъ королей не зналъ въ дѣйствительности границъ, а въ монархіи Монтескье выше воли монарха стоятъ основные законы страны. Монархъ и тутъ есть источникъ всякой власти, но онъ осуществляетъ ее въ монархіи нашего автора посредствомъ опредѣленныхъ органовъ, подчиненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ законамъ, а потому и умѣряющихъ своею закономѣрною дѣятельностью всякій произволъ. Главнѣйшія изъ этихъ посредствующихъ властей суть дворянство и духовенство, а затѣмъ сословіе легистовъ, охраняющее неприкосновенность законовъ и напоминающее монарху о всякомъ ихъ нарушеніи, отъ кого бы оно ни исходило.

Само повиновеніе волѣ монарха не должно быть рабскимъ и

слѣпымъ, какъ въ деспотіи; напротивъ, оно должно быть закономѣрнымъ.

Такъ какъ принципъ монархіи—честь, то монархъ не долженъ никогда приказывать своимъ подданнымъ совершить что либо, противное установленнымъ понятіямъ о чести, рискуя натолкнуться на неповиновеніе лучшей части своихъ подданныхъ, которыми онъ особенно долженъ дорожить. Такъ было съ Карломъ IX-мъ, который, на приказъ, разосланный комендантамъ о внезапномъ избіеніи гугенотовъ въ провинціяхъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ коменданта Байоны: «Государь, въ средѣ жителей Байоны я нашелъ лишь честныхъ гражданъ и храбрыхъ солдатъ, но ни одного палача. Поэтому я и они просимъ Ваше Величество употребить насъ на какое либо иное дѣло».

Но въ монархіи также имѣетъ серьезное значеніе воспитаніе подростающихъ поколѣній, цѣлью котораго должно быть развитіе чувства чести.

Съ этой же цѣлью въ монархіи необходимо существованіе привилегій для господствующихъ классовъ, составляющихъ ея опору. Такъ какъ повиновеніе въ монархіи не носитъ такого рабскаго характера, какъ въ деспотіи, то оно должно казаться повинующимся почетнымъ. Монархія, во главѣ которой стоитъ одно лицо, отличается по сравненію съ республикой быстротою исполненія, но чтобы эта быстрота не перешла въ произволъ, необходимы посредствующія власти — хранители законовъ, безъ которыхъ монархія рискуетъ обратиться въ деспотію.

Какъ видитъ читатель, картина, нарисованная Монтескье, напоминаетъ французскія учрежденія, но тѣмъ не менѣе очень далека отъ дѣйствительности, которая самымъ несомнѣннымъ образомъ доказала, что какъ только королевская власть достаточно усилилась во Франціи, она поглотила все, и для независимыхъ сословій и парламентовъ не осталось мѣста. Монархія Монтескье есть не столько картина будущаго, сколько идеализація прошлаго. Это скорѣе Франція добраго стараго времени, Франція Генриха IV-го. Но въ ней есть несомнѣнно нѣкоторыя черты конституціонной монархіи XIX-го вѣка. Таково понятіе ненарушимыхъ основныхъ законовъ, стоящихъ выше воли монарха. У Монтескье, правда, не указано способа измѣненія старыхъ и проведенія

новыхъ основныхъ законовъ въ монархіи, не указаны признаки, по которымъ основной законъ отличается отъ обыкновеннаго; но уже самое понятіе о согласованіи воли монарха съ закономъ составляетъ одно изъ весьма важныхъ ограниченій абсолютизма, и изъ него развилась система конституціонализма. Такъ какъ монархія поддерживается, благодаря взаимному уравновѣшиванію посредствующихъ властей, то умѣренность во всѣхъ дѣйствіяхъ должна руководить правительствомъ.

«Иначе,—говоритъ Монтескье,—чувство чести вырождается въ тщеславіе, придворная служба поглощаетъ государственную, монархъ правитъ произвольно и его абсолютизмъ развращаетъ дворъ; основные законы нарушаются, а магистратура молчитъ, парламенты теряютъ свое достоинство, привилегіи утрачиваютъ всякое право на существованіе и сама монархія вырождается въ деспотію». Это вѣрная картина современнаго Монтескье состоянія Франціи, но картина собственно деспотическаго правленія нарисована имъ по восточнымъ его образцамъ, знакомымъ автору только изъ книгъ, а потому и безжизненна. Краски положены слишкомъ густо, тѣни черезъ чуръ рѣзки, контуры неясны. Если бы Монтескье, не трогая Востока, въ качествѣ образца деспотіи пополнилъ бы только вышеуказанную картину современнаго ему состоянія Франціи и прибавилъ описанія нѣкоторыхъ странъ Европы, онъ былъ бы ближе къ дѣйствительности. Но тогда конечно созданный имъ идеалъ монархіи и ея отличіе отъ деспотіи не выступали бы такъ рѣзко.

* * *

Монархія, аристократія и демократія, въ противуположность деспотіи, являются умѣренными формами правленія. Въ нихъ возможно осуществленіе политической свободы, такъ какъ государственная власть сообразуется съ опредѣленными законами, которые могутъ быть извѣстны, какъ приводящимъ ихъ въ исполненіе органамъ власти, такъ и гражданамъ; тутъ всякій можетъ слѣдовать закону, законность и свобода могутъ существовать. Но ни аристократія, ни демократія, ни монархія не являются непремѣнно государствами свободными, такъ какъ въ нихъ возможно злоупо-

требленіе властью, ведущее къ уничтоженію свободы. Самое понятіе политической свободы у Монтескье не отличается однако особой опредѣленностью и имѣетъ отрицательный характеръ. «Нѣтъ другого слова,—говоритъ онъ,—которому придавалось бы болѣе различныхъ значеній, чѣмъ слову *свобода*. Одни понимаютъ подъ свободою возможность безпрепятственно свергать тѣхъ, кому они вручили тираническую власть; другіе—право избранія того, кому они должны повиноваться, третьи—право носить оружіе и совершать насилія и т. д. Наконецъ всякій называетъ свободой ту форму правленія, которая согласуется съ его привычками. Но свобода есть не болѣе какъ право совершать все, что дозволяется законами: еслибы какой либо гражданинъ могъ совершать то, что законами запрещается, свобода исчезла бы, такъ какъ и другіе имѣли-бы равнымъ образомъ такое же право».

Какъ мы видѣли, каждое государство, по мнѣнію Монтескье, преслѣдуетъ опредѣленную задачу, но—говоритъ онъ—существуетъ народъ, который непосредственной цѣлью своихъ стремленій поставилъ осуществленіе политической свободы. Народъ этотъ достигъ своей цѣли и въ его конституціи, какъ въ зеркалѣ, можно видѣть тѣ условія, которыя необходимы для обезпеченія этой свободы. Здѣсь мы подходимъ къ самой цѣнной части «Духа Законовъ», къ знаменитой теоріи раздѣленія властей, которая въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и теперь составляетъ одно изъ основныхъ положеній науки государственнаго права и усвоеніе которой законодателями всѣхъ странъ Европы сослужило дѣлу утвержденія законности и свободы не малую службу.

«Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье,—существуетъ три рода власти: законодательная, исполнительная и судебная. Политическая свобода можетъ быть обезпечена только въ томъ случаѣ, если никакая власть въ государствѣ не будетъ въ состояніи злоупотреблять своими полномочіями, а для этой послѣдней цѣли необходимо, чтобы посредствомъ надлежащаго распредѣленія полномочій одна власть умѣрялась другою.

«Не существуетъ еще свободы, если власть судебная не отдѣлена отъ исполнительной и законодательной. Если бы она была соединена съ властью законодательной, власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной, такъ какъ судья былъ

бы вмѣстѣ съ тѣмъ и законодателемъ. Если бы она была соединена съ властью исполнительной, судья могъ бы притѣснять».

Но все рѣшительно было бы потеряно, если бы всѣ три власти были соединены въ одномъ лицѣ или учрежденіи.

Что касается затѣмъ организаціи органовъ, осуществляющихъ эти три рода государственной власти, то при изученіи англійскихъ учрежденій Монтескье главное вниманіе обратилъ на организацію властей законодательной и исполнительной, а потому и въ своемъ трудѣ вѣрнѣе и лучше освѣщаетъ значеніе того или иного органа этихъ властей, чѣмъ органовъ власти судебной, по отношенію къ организаціи которой у него встрѣчаются просто даже фактическія ошибки. Такъ напримѣръ, въ его время въ Англіи, какъ и теперь, судъ присяжныхъ дѣйствовалъ подъ руководствомъ коронаго судьи, составляющаго во всякомъ случаѣ постоянный органъ, а между тѣмъ Монтескье говоритъ въ главѣ «объ англійской конституціи», что отправленіе правосудія должно быть поручаемо не постояннымъ органамъ, а временнымъ собраніямъ представителей народа, совершенно игнорируя такимъ образомъ коронные элементы суда, функціонирующіе всюду совмѣстно съ присяжными засѣдателями.

Законодательная власть въ свободной странѣ—говоритъ Монтескье—должна принадлежать всему народу, такъ какъ въ ней всякій гражданинъ обладаетъ свободной душой и можетъ слѣдовательно управлять собою. Но практически осуществить это начало, особенно же въ государствахъ съ обширной территоріей и многочисленнымъ населеніемъ, просто немыслимо, а потому приходится непосредственное участіе всего народа въ законодательной дѣятельности замѣнить правомъ избранія представителей, которые уже отъ имени народа и будутъ обсуждать и издавать законы. Такой порядокъ имѣетъ даже нѣкоторыя преимущества надъ непосредственнымъ осуществленіемъ всѣми гражданами законодательной власти, потому что, во-первыхъ, возможнымъ станетъ не простое вотированіе законовъ, только и возможное при слишкомъ многочисленномъ собраніи гражданъ, но и ихъ обсужденіе; а во-вторыхъ, законодателями страны станутъ лучшіе люди, такъ какъ оцѣнить способности и достоинства избираемаго легче, чѣмъ самому обладать этими достоинствами. Избиратель-

ное право должно въ принципѣ принадлежать всѣмъ безъ исключенія гражданамъ, но этого права не только могутъ, но и должны быть лишены лица, которыя находятся въ слишкомъ зависимомъ положеніи, ибо за ними невозможно признать способности на самостоятельную дѣятельность въ столь важномъ дѣлѣ.

Но въ каждомъ государствѣ существуетъ классъ лицъ, рѣзко выдѣляющихся изъ массы гражданъ по своему богатству и происхожденію. Они своимъ выдающимся положеніемъ могутъ возбудить зависть остальныхъ, а потому предоставленіе имъ лишь равныхъ съ другими избирательныхъ правъ поставило бы ихъ въ худшее положеніе сравнительно съ положеніемъ ихъ согражданъ, такъ какъ большинство законовъ было бы направлено противъ ихъ интересовъ. Во избѣжаніе этого изъ нихъ должно быть составлено особое законодательное собраніе, которому было бы предоставлено право не пропускать постановленій народнаго представительства и налагать на нихъ свое veto. Но для уравновѣшенія правъ палатѣ народныхъ представителей должно быть предоставлено такое же право по отношенію къ постановленіямъ собранія аристократовъ.

Что касается исполнительной власти, то она должна принадлежать монарху, такъ какъ для настоящаго выполненія своихъ задачъ должна функціонировать непрерывно и съ должной быстротой. Исполнительной власти должно также принадлежать право останавливать и не пропускать постановленія законодательныхъ собраній,потому что безъ этой гарантіи самому существованію исполнительной власти грозила-бы опасность, такъ какъ власть законодательная, не видя границъ своимъ полномочіямъ, могла бы въ одинъ прекрасный день издать законъ, въ силу котораго всѣ отрасли государственной власти переходили бы въ ея руки. Законодательной власти за то должно принадлежать право контролировать дѣятельность органовъ исполнительной власти; но глава исполнительной власти—монархъ—ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ отвѣтственности передъ палатами за свои дѣйствія Онъ настолько необходимъ въ государствѣ, какъ сила, сдерживающая въ должныхъ границахъ законодательную дѣятельность народнаго представительства, что предоставленіе палатамъ право судить его было

бы равносильно захвату палатами всей государственной власти, а слѣдовательно и уничтоженію свободы. Но за то его совѣтники-министры, за свои дурные совѣты монарху, должны подлежать отвѣтственности передъ палатами.

Власть судебная, по мнѣнію Монтескье, должна быть осуществляема, какъ сказано выше, представителями народа, избираемыми для этой цѣли ежегодно. Преступникъ, не имѣя передъ глазами постоянныхъ трибуналовъ, будетъ бояться не судей, а суда. Судьи должны быть одного состоянія съ обвиняемымъ, равными ему, чтобы въ немъ существовала увѣренность въ томъ, что они не склонны судить его пристрастно.

Картина подобнаго государственнаго устройства, нарисованная въ самыхъ общихъ чертахъ, не могла не подкупать читателя. Вся XI книга, наполненная абстрактными правилами, вытекающими съ логической необходимостью изъ основныхъ посылокъ автора, не смотря на нѣкоторую сухость изложенія, читается съ огромнымъ интересомъ даже и теперь. Понятно поэтому, какое ошеломляющее дѣйствіе она производила на современниковъ Монтескье, которыхъ увлекали даже явно утопическія теоріи учителей естественнаго права.

Но если умѣренные элементы общества съ нѣкоторымъ страхомъ внимали призыву учителей естественнаго права къ коренному переустройству общества, такъ какъ оно казалось чѣмъ-то неизвѣданнымъ и страннымъ и грозило разрушеніемъ всему привычному складу жизни, то въ ученіи Монтескье не было ничего подобнаго. Тутъ была картина государственнаго устройства, существующаго въ сосѣдней странѣ и обезпечивающаго свободу гражданъ и привилегіи господствующихъ классовъ, и неприкосновенность власти короля, и законность.

* * *

Что бы ни говорили современные доктринеры, старающіеся подкопаться подъ теорію Монтескье, въ основаніи ея лежитъ все таки очень вѣрная мысль...

Старались также доказать, что Монтескье заимствовалъ свою теорію раздѣленія властей у Свифта («Discours of the contests

and Dissension between nobles and the Commans in Atthens and Rome»), котораго авторъ зналъ въ Англіи и съ сочиненіями котораго онъ несомнѣнно былъ знакомъ.

Исторія старая... У всякаго великаго человѣка находятся соперники и услужливые критики, старающіеся обобрать его.

Если дѣйствительно въ теоріи Монтескье много сходства съ теоріей Свифта, то это нисколько не лишаетъ его права называться истиннымъ творцомъ своей теоріи. Вѣдь Ламаркъ писалъ до Дарвина, и однако-же это не уменьшаетъ заслугъ послѣдняго. Не найдется пожалуй мысли, которую въ той или иной формѣ не высказалъ-бы кто нибудь ранѣе великаго писателя, сдѣлавшаго ее достояніемъ всѣхъ. Весь вопросъ именно въ той формѣ и убѣдительности, въ которой извѣстная мысль выходитъ изъ подъ пера автора, въ ея развитіи и въ умѣніи распространить. Не даромъ-же литературная собственность опредѣляется, какъ право на *форму*, въ которой выражены мысли автора.

Во всякомъ случаѣ Европа познакомилась съ теоріей раздѣленія властей изъ книги Монтескье, и ему обязана въ значительной мѣрѣ той свободой и законностью, которыми пользуется въ настоящее время.

Какъ на примѣръ осуществленія его теоріи, Монтескье указываетъ на Англію, «конституція которой имѣетъ непосредственной своей цѣлью достиженіе политической свободы». Онъ довольно подробно описываетъ учрежденія этой страны и особенно останавливается на тѣхъ, которыя могутъ быть заимствованы другими странами, такъ какъ не обусловлены какими-либо особыми мѣстными условіями, и для этого нѣсколько обобщаетъ явленія дѣйствительности.

Позднѣйшіе критики упрекали Монтескье въ томъ, что онъ не замѣтилъ нѣкоторыхъ мелкихъ несоотвѣтствій англійскихъ учрежденій съ его теоріей. Но они забыли, что, именно благодаря своей общности и согласію въ главныхъ основаніяхъ съ дѣйствительностью, теорія Монтескье и могла получить такое широкое распространеніе, такъ убѣдительно дѣйствовать на умы. Вѣдь оттого, что планеты, подъ вліяніемъ близко лежащихъ тѣлъ, уклоняются отъ эллиптическаго пути и описываютъ не совсѣмъ правильную кривую, самый законъ ихъ движенія не дѣлается ложъ-

нымъ. Также точно и въ политической жизни извѣстныя отступленія отъ теоріи раздѣленія властей могутъ быть обусловлены чисто мѣстными причинами, не подрывая вѣрности самой теоріи.

Описаніе англійскихъ учрежденій Монтескье пополняетъ затѣмъ подробнымъ описаніемъ политической жизни и нравовъ этой страны. На этомъ собственно оканчивается политическая часть «Духа Законовъ».

Но несомнѣнно, что разумное уголовное законодательство и здравая уголовная политика въ вопросѣ объ обезпеченіи законности и политической свободы имѣютъ также весьма крупное значеніе—и Монтескье обратилъ серьезное вниманіе на эту сторону дѣла.

Сторонникъ умѣренности въ политической дѣятельности вообще, Монтескье особенно рекомендуетъ руководствоваться ею законодателю при назначеніи наказаній за преступленія. «Не слѣдуетъ вести людей крайними путями»,—говоритъ онъ. Не умѣренность наказанія, а надежда на безнаказанность преступленія способствуетъ развитію преступности. Поэтому Монтескье возстаетъ противъ жестокихъ наказаній, господствовавшихъ въ то время, и является противникомъ пытки.

Опытъ показалъ всю вѣрность его мнѣній, такъ какъ, съ отмѣною жестокихъ членовредительныхъ наказаній и смертной казни за сравнительно незначительныя преступленія, количество обложенныхъ этими наказаніями преступленій не увеличилось, какъ пророчили сторонники теоріи устрашенія.

Еще болѣе важнымъ пожалуй является вліяніе, оказанное Монтескье на самое понятіе преступленія. Въ его время государство облагало наказаніемъ не только дѣйствія, но и нѣкоторые помыслы гражданъ, что конечно вело къ массѣ несправедливостей, стѣсненій, ошибокъ и было лучшимъ средствомъ угнетенія дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ правительствъ и правителей. «Законы,—говоритъ Монтескье, —должны наказывать лишь внѣшнія дѣйствія».

Наказаніе въ извѣстныхъ случаяхъ налагается не за произнесенное слово, а лишь за дѣянія, средствомъ къ совершенію которыхъ послужили эти слова. Съ этой точки зрѣнія Монтескье разсматриваетъ оскорбленія величества и религіозныя преступле-

лія, преслѣдованіе за которыя практиковалось по самому ничтожному поводу. «Зло проистекаетъ — говоритъ онъ, — изъ идеи, что надо мстить за Божество», — и дѣйствительно въ его время свѣтская власть брала на себя эту несвойственную ей задачу, смѣшивая понятія грѣха и преступленія и карая за первый, какъ за второе. Въ Испаніи еще сжигали еретиковъ.

Въ этой области Монтескье является прямымъ предшественникомъ Беккаріа и послѣдовавшаго за нимъ цѣлаго ряда реформаторовъ, измѣнившихъ коренным образомъ господствовавшія въ Европѣ варварскія понятія о преступленіи и наказаніи и безцѣльно жестокое уголовное законодательство.

Таково содержаніе «Духа Законовъ», по скольку оно касается вопросовъ политическихъ. Но въ этомъ сочиненіи содержится много блестящихъ страницъ, касающихся права гражданскаго, международнаго, въ немъ есть мѣста, которыя могли-бы послужить украшеніемъ любого трактата по политической экономіи; въ немъ заключается цѣлое изслѣдованіе по исторіи феодализма.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не можемъ остановиться на разсмотрѣніи взглядовъ Монтескье по всѣмъ этимъ вопросамъ, затронутымъ въ его трудѣ; но прежде, чѣмъ покончить съ «Духомъ Законовъ», намъ надо сказать нѣсколько словъ о послужившей основаніемъ къ самымъ жестокимъ нападкамъ на Монтескье книгѣ XIV, трактующей «О законахъ въ ихъ отношеніи къ климату страны», т. е. о вліяніи климата на соціальныя явленія.

Дѣйствительно, теперь намъ кажутся странными его разсужденія о томъ, что непосредственно подъ вліяніемъ климата складывается національный характеръ цѣлыхъ народностей.

Но если принять во вниманіе состояніе естествознанія и общественныхъ наукъ въ то время, когда Монтескье создалъ свою парадоксальную теорію, то мы должны будемъ скорѣе удивляться его наблюдательности, чѣмъ осуждать поспѣшность, съ которою онъ обобщилъ тѣ немногія данныя, которыя имѣлись по этому предмету въ его распоряженіи. Монтескье подмѣтилъ, что физическія условія среды оказываютъ вліяніе на общественныя явленія и, увлекшись этою вѣрною мыслью, преувеличилъ вліяніе на нихъ климата. Впрочемъ здѣсь сказалась одна изъ основныхъ способно-

стей ума Монтескье, способность обобщенія фактовъ, составляющая его слабость и вмѣстѣ съ тѣмъ силу.

Задача, которую преслѣдовалъ Монтескье въ «Духѣ Законовъ», и замыселъ этого труда настолько грандіозны, пониманіе цѣлей общественной науки въ общемъ такъ широко и вѣрно, что при томъ состояніи, въ которомъ находились вспомогательныя для этой науки отрасли знанія въ его время, онъ конечно не могъ не ошибаться въ своихъ конечныхъ выводахъ; напротивъ, просто поражаетъ сравнительно незначительное количество этихъ ошибокъ и масса вѣрныхъ взглядовъ и обобщеній, разбросанныхъ на протяженіи всего труда. Созданіе науки объ обществѣ было еще не по силамъ XVIII вѣку, и Монтескье сдѣлалъ больше, чѣмъ можно было-бы отъ него требовать.

Монтескье доказалъ возможность научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій съ цѣлью пользоваться добытыми результатами для блага человѣчества и самъ, гдѣ это было можно по современному ему состоянію соотвѣтствующихъ отраслей знанія, началъ это изслѣдованіе. Послѣдующія поколѣнія широко воспользовались его трудами и почерпнули изъ нихъ много полезныхъ указаній при пересмотрѣ завѣщаннаго исторіей строя общественныхъ отношеній.

VI.

Послѣдніе годы жизни и смерть Монтескье.

Утомленный нападками далеко не безпристрастной критики, придирками духовной и свѣтской цензуры, наконецъ самымъ успѣхомъ своимъ, въ силу котораго онъ сдѣлался предметомъ поклоненія для однихъ и зависти—для другихъ, Монтескье рѣшился отдохнуть въ своемъ замкѣ и провести тамъ на лонѣ природы остатокъ жизни среди любимыхъ литературныхъ занятій. Не смотря на свои пятьдесятъ-девять лѣтъ, онъ былъ еще бодръ и здоровъ, вполнѣ сохранилъ свои умственныя способности и живой, жизнерадостный характеръ. Только зрѣніе измѣняло Монтескье и на обоихъ глазахъ у него образовались катаракты, что́ сильно затрудняло его занятія, хотя онъ и тутъ не терялъ надежды и надѣялся на возможность излеченія путемъ операціи. Его раздражала однако невозможность самостоятельно отдаваться литературному труду и необходимость диктовать почти все. «Я задумалъ планъ,—писалъ онъ своему другу,—расширить и углубить нѣкоторыя мѣста моего «Духа Законовъ», но сталъ неспособенъ на это. Чтеніе ослабило мои глаза».

Въ послѣдніе годы своей жизни Монтескье тѣмъ не менѣе работалъ не мало и послѣ его смерти осталось нѣсколько неоконченныхъ или неизданныхъ его произведеній, написанныхъ имъ и обработанныхъ за это время. Прежде всего сюда относится начало исторіи Теодориха Остготскаго, широко задуманной, но далеко неоконченной; далѣе—«Арзасъ и Исменія», повѣсть изъ восточнаго быта, и наконецъ некрологъ маршала Бервика, съ которымъ Монтескье подружился въ Бордо еще въ юности и который, не смотря на значительную разницу въ ихъ возрастѣ, съ уваженіемъ относился къ смѣлымъ взглядамъ бойкаго и блестящаго юноши.

Кромѣ того Монтескье хотѣлъ обработать для печати свои пространныя путевыя замѣтки и началъ уже эту работу, которая, еслибы ей суждено было дойти до благополучнаго конца, подарила бы насъ еще однимъ замѣчательнымъ произведеніемъ.

Мало-по-малу враждебная критика должна была смолкнуть, и «Духъ Законовъ», распространяясь въ публикѣ, завоевывалъ своему автору все новыхъ и новыхъ восторженныхъ поклонниковъ. Чаще и чаще начали появляться хвалебные отзывы, вышло даже нѣсколько цѣлыхъ книгъ, посвященныхъ «Духу Законовъ», поэты посвящали Монтескье свои стихи, почитатели изъ публики забрасывали его своими письмами, наполненными восторженными изліяніями и иногда просьбами о разъясненіи тѣхъ или иныхъ сомнѣній и недоумѣній, вызванныхъ чтеніемъ «Духа Законовъ». Наконецъ болѣе предпріимчивые почитатели предпринимали нарочно путешествіе въ Гіэнь, чтобы поговорить съ Монтескье и посмотрѣть на него поближе. Такимъ образомъ и деревня не спасла Монтескье отъ восторженныхъ почитателей, но конечно въ своемъ замкѣ онъ чувствовалъ себя покойнѣе, такъ какъ былъ хозяиномъ своего времени и, хотя радушно принималъ посѣщавшихъ его лицъ, но по крайней мѣрѣ не обязанъ былъ, какъ въ Парижѣ, цѣлые дни трепаться по многолюднымъ салонамъ.

Личное знакомство съ Монтескье еще болѣе воодушевляло его поклонниковъ, которыхъ онъ умѣлъ обворожить своей любезностью, простотой и умомъ. Одинъ изъ нихъ писалъ послѣ посѣщенія замка Ла-Бредъ: «никто рѣшительно, будь то талантливый человѣкъ или нѣтъ, никогда не былъ болѣе простъ, чѣмъ Монтескье. Таковъ онъ былъ и въ парижскихъ салонахъ, и въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ онъ гулялъ по полямъ, лугамъ и рощамъ, отдѣланнымъ на англійскій ладъ, съ длинной виноградной тростью на плечѣ и въ бѣломъ колпакѣ, и гдѣ не разъ тѣ, кто являлся засвидѣтельствовать ему почтеніе отъ лица всей Европы, спрашивали у него, принимая его за садовника, гдѣ замокъ Монтескье».

Два посѣтившихъ его молодыхъ англійскихъ туриста слѣдующимъ образомъ описываютъ свои впечатлѣнія: «Вмѣсто суроваго и строгаго философа, передъ нами былъ веселый, вѣжливый, полный жизни французъ, который, послѣ тысячи любезностей, предложилъ намъ завтракъ. Мало по малу для насъ сдѣлался настолько

незамѣтнымъ его геній и его возрастъ, что бесѣда потекла такъ свободно и легко, какъ будто мы были людьми равными ему во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ обѣда Монтескье настаивалъ на томъ, чтобы мы остались еще, и отпустилъ насъ только черезъ три дня, втеченіи которыхъ бесѣда наша была столь-же занимательна, какъ и поучительна. Его секретарь, родомъ ирландецъ, проводилъ насъ до Бордо».

Злые языки говорятъ, что свои досуги Монтескье посвящалъ въ это время воспитанію своего незаконнаго сына Латани. Онъ дѣйствительно возился съ бойкимъ и живымъ мальчикомъ, которому было въ это время 9 лѣтъ, держалъ его при себѣ, гулялъ съ нимъ, иногда диктовалъ ему свои замѣтки, весело болталъ съ нимъ и самъ слѣдилъ за его ученіемъ. Очень можетъ быть, что Монтескье подъ старость почувствовалъ пробѣлъ въ своей жизни, нѣкоторую пустоту, такъ какъ законная семья не удовлетворяла его. Правда, онъ горячо любилъ своихъ дѣтей, особенно-же младшую дочь и старшаго сына; но въ это время они были людьми взрослыми, обзавелись своими семьями, и потому конечно между ними и отцомъ не могло быть той близости, какая можетъ быть только между родителями и ихъ дѣтьми, пока послѣдніе не вырастутъ и не начнутъ болѣе или менѣе самостоятельной жизни.

Во всякомъ случаѣ, былъ-ли Латани сыномъ Монтескье, или нѣтъ, несомнѣнно, что ни воспитаніе, ни жизнь, ни разсудокъ, продиктовавшій Монтескье наполненныя презрѣніемъ къ женщинѣ и семьѣ строки его произведеній, не могли заглушить въ немъ потребности въ настоящей серьезной привязанности, которую онъ и перенесъ на своего воспитанника. Весьма возможно, что Монтескье измѣнилъ даже свои взгляды по этому вопросу, такъ какъ его повѣсть «Арзасъ и Исменія», въ которой рѣчь идетъ о супружеской любви, и о которой мы упомянули выше, мѣстами выдаетъ настоящія чувства автора, замаскированныя блестящими парадоксами.

Въ 1754 году Монтескье пришлось оставить свой замокъ и снова ѣхать въ Парижъ.

Дѣло въ томъ, что нѣкій Ла-Бомель, родомъ французъ, профессоръ университета въ Даннемаркѣ, былъ однимъ изъ первыхъ, открыто выступившихъ съ горячей защитой «Духа Законовъ» противъ посыпавшихся на книгу нападокъ критики. Монтескье

получилъ извѣстіе, что этотъ первый его горячій защитникъ по требованію французскаго правительства былъ арестованъ въ Пруссіи, выданъ Франціи и засаженъ въ Бастилію, какъ человѣкъ политически-неблагонадежный.

Нѣкоторые біографы Монтескье, принадлежащіе къ его горячимъ и не всегда безпристрастнымъ поклонникамъ, говорятъ, что Ла-Бомель пострадалъ по доносу Вольтера, но мы не считаемъ себя вправѣ утверждать это, такъ какъ нигдѣ не нашли заслуживающаго довѣрія подтвержденія возводимаго на него обвиненія.

Монтескье счелъ своей нравственной обязанностью отплатить Ла-Бомелю и постараться выручить его изъ бѣды. Онъ отправился въ Парижъ, куда и прибылъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Онъ энергично сталъ хлопотать за несчастнаго профессора, поднялъ на ноги своихъ вліятельныхъ друзей,—и ему скоро удалось добиться освобожденія Ла-Бомеля.

Монтескье думалъ поскорѣе воротиться домой, но его задерживали всевозможныя приглашенія, отъ которыхъ не всегда можно было отдѣлаться. Онъ писалъ въ это время изъ Парижа одному своему пріятелю: «Я въ ходу въ большомъ свѣтѣ, очень разбрасываюсь; пребываніе въ столицѣ приведетъ меня къ могилѣ, хотя и по пути, усѣянному цвѣтами». Отъѣздъ такимъ образомъ откладывался со дня на день, а Монтескье между тѣмъ простудился и заболѣлъ. Призванный къ больному врачъ Лорри сказалъ, что у него воспаленіе легкихъ и нашелъ положеніе серьезнымъ. Онъ сказалъ объ этомъ секретарю Монтескье, который и далъ знать находившимся въ Парижѣ его друзьямъ и роднымъ.

Вѣсть о болѣзни Монтескье быстро распространилась по городу, и отовсюду приходили справляться о ходѣ болѣзни. Самъ Людовикъ XV каждый день посылалъ на квартиру больного съ этою цѣлью графа Ниверне. Мадамъ Эгильонъ и мадамъ Дюпре не отходили отъ его постели. На третій день былъ призванъ самый знаменитый врачъ того времени, Буваръ, который однако ничего уже не могъ сдѣлать,—и Монтескье умеръ 10-го февраля 1755 г. Передъ смертью онъ исповѣдался у своего друга, іезуита Кастеля.

Былъ-ли это случайный порывъ религіознаго чувства у человѣка, сознающаго, что онъ скоро долженъ покончить свои разсчеты съ жизнью, или же Монтескье въ глубинѣ души былъ человѣкомъ

вѣрующимъ и возставалъ только противъ злоупотребленій религіозной власти? Отвѣтить на этотъ вопросъ положительнымъ образомъ довольно трудно, такъ какъ Монтескье никогда не высказывалъ вполнѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій.

Онъ женился на ярой кальвинисткѣ, очень недвусмысленно далъ понять посланному папы, что не нуждается въ разрѣшеніи послѣдняго, чтобы ѣсть скоромное въ постъ, издѣвался надъ монахами и надъ папой въ «Персидскихъ письмахъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщалъ свою приходскую церковь, признавалъ духовенство полезнымъ въ государствѣ, въ числѣ своихъ ближайшихъ друзей имѣлъ аббата Гуаско и іезуита Кастеля.

Г-жа Эгильонъ передаетъ, что не задолго до смерти Монтескье сказалъ: «Я всегда почиталъ религію; евангельская нравственность есть величайшій даръ, какой только могъ Богъ послать людямъ». Намъ кажется, что эти немногія слова лучше всего опредѣляютъ отношеніе Монтескье къ религіи.

Дѣйствительно, онъ понималъ духъ христіанскаго ученія, никогда изъ подъ его пера не вышло ни одной фразы, оскорбляющей самую религію. Онъ былъ врагомъ не религіи, а злоупотребленій религіею, обратившеюся въ рукахъ папы и католическаго духовенства въ орудіе достиженія совсѣмъ не религіозныхъ цѣлей. Бичуя монаховъ и папу, Монтескье можетъ быть вполнѣ искренне былъ убѣжденъ, что служитъ дѣлу истиннаго христіанства лучше, чѣмъ оффиціальные служители церкви.

Похороны Монтескье, происходившія на другой день послѣ его смерти, т. е. 11-го февраля, не отличались особой торжественностью. Тѣло его было опущено въ склепъ у церкви св. Женевьевы, но во времена революціи затерялась его могила. такъ что его почитателямъ и роднымъ не удалось ее отыскать, не смотря на самые тщательные розыски.

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа **40** к. Въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—**3** р. **25** к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. **1** р **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Дѣтскій маскарадъ. *Азбелева.* Съ16рис. Ц.**20**к.

Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Бажиной.* Съ44рисунками. Ц. **1** р. Въ папкѣ—**1** р. **25** к. Въ переплетѣ—**1** р. **60** к.

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* 100 рис Ц **60** к , въ папкѣ **75** к., въ переплетѣ **1** р. **25** к

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р **50** к , въ переплетѣ **3** р

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. **75** к., въ папкѣ **1** р , въ переплетѣ **1** р. **25** к

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис Цѣна каждаго въ папкѣ **1** р. **50** к Въ переплетѣ **2** р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками 2-е изданіе. Цѣна **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ перен **1** р. **60** к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** р.

Послушаемъ! Дѣт разсказы *Ольде.* Съ 28 рис. въ папкѣ **1** р., въ перепл. **1** р **35** к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис) Ц **1** р. „Объясненіе" къ нимъ **5** к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Рейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. **30** к., въ папкѣ **40** к. въ перен . **60** к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц каждаго романа **40** к., въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. **2** р. **30** к.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна **2** р., въ перепл **2** р. **75** коп

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и проч. Составилъ *В. Обреимовъ.* Ц **40** к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц **1** р въ перен. **1** р. **75** к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами. Ц. **1** р.

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисгофера.* 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к , въ перен **2** р. **25** к

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2** р въ папкѣ **2** р. **25** к. въ перен. **2** р. **75** к

Сказочная страна. Приключенія двухъ матросовъ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р **25** к. въ переплетѣ **2** р. **75** к

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Цѣна **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к , въ переплетѣ **2** р **25** к

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. **1** р **25** к. Въ переплетѣ **2** р.

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1** р **25** к. въ папкѣ **1** р **50** к., въ переплетѣ **2** р

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ редак. *Ф. Павленкова.* 3-е изд., съ 353 рис. Ц. **1** р **50** к., въ переплетѣ—**2** р. **25** к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р **50** к., въ переплетѣ **1** р. **75** к.

На землѣ и подъ землей. Сборникъ разсказовъ *Галузиева.* Съ 40 рис. Ц. **1** р. **25** к. въ папкѣ—**1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика *П. Засодимскаго.* Ц. каждой книжкѣ по **35** к

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ пер. **2** р.

Янки Вологодскаго уѣзда *А. Круглова.* Съ 6 рисун Ц. **25** к.

Незабудки. *А. Круглова.* Съ 50 рис. Ц. **1** р. **50** к въ папкѣ **1** р. **75** к., въ пер. **2** р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис Ц. **2** р. въ пап. **2** р. **25** к., въ пер. **2** р. **50** к

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. Ц. **75** к., въ пап. **1** р., въ пер. **1** р. **30** к

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20портретами. Ц. **50** к. Въ папкѣ **75** к. Въ перен. **1** р.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1)**Ручной трудъ.** Составилъ *Графтингъ.* Домашнія занятія ремеслами Съ франц. 400 рис. Ц **1** р. **50** к.—2)**Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д Головъ Ц **1** р —3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц 1р. **50** к.—4)и 5) **Навсякій случай** *А. Алгмединген.* Научныя-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой **50** коп 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Алгмединген.* Ц. **60** к. и проч.

Въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА.

С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, д. № 2.

Продаются, между прочими, слѣдующія книги:

Актеа Повѣсть изъ древней Греческой и Римской жизни, *Е Сысоевой.* Съ 2-мя рисунками. Изданіе 2-е, исправленное. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ коленкор. переплетѣ съ золот. 1 руб. Допущена *Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.* въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Вороненокъ. Разсказъ въ стихахъ, *В. Буша.* Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 75 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 25 к.

Въ тихомъ омутѣ. Разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ Н. И. Наумова (Автора книги «Сила соломy ломитъ»). Ц. 2 р. 50 к.

Двѣ собачки. Разсказъ въ стихахъ, *В. Буша.* Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 75 к., въ коленкоров. переплетѣ 1 р. 25 к.

До разсвѣта. Разсказы изъ дѣтской жизни, *Казиной.* Ц. 1 р.

Дѣтскій сборникъ. Разсказы для дѣтей, съ рисунками. Сост. В. Сорокинъ. Изд. 3-е, исправленное. Ц. 75 к. въ красив. папкѣ 1 р., въ коленкор. переплетѣ съ золот. 1 р. 35 к.—Первое изданіе значится въ каталогѣ книгъ, *одобрен. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученическихъ библіотекъ.

Дѣтскія сказки. Разсказалъ *В. П. Авенаріусъ.* Новое, дополненное изданіе, съ рисунками Н. Н. Каразина и др. Въ это изданіе вошли выбранныя наиболѣе удачныя простонародныя и иностранныя сказки изъ прежняго изданія **«Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ»**, а также **«Сказка о Муравьѣ-Богатырѣ»**, «Что комната говоритъ» и **«Сказка о Пчелѣ Мохнатикѣ»**. Послѣднія двѣ удостоены каждая первой преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества.—Ц. въ бумажкѣ 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. съ золот. 2 р.—*Одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.* для ученическ. библіот. младшаго возраста средн. учебн. завед. и городскихъ училищъ. *Учебн. Ком.* вѣдомства Императрицы Маріи допущены для пріобрѣтенія въ библіотеки низшихъ и среднихъ классовъ училищъ вѣдомства.

Дѣтямъ старшаго возраста. Сборникъ разсказовъ, *Елизав. Фридрихсъ.* Съ рис. Ц. 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 50 к. Допущ. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученическія библіот. среднихъ учебн. завед.

Жизнь Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя Міра. Настольная книга для семьи и школы **Роскошное изданіе, украшенное 84 картинами и 106 другими рисунками.** Сост. по Евангелію *Ѳ. Пуцыковичъ.* Изд. 3-е, исправленное. Ц. 60 к., въ колен. перепл. 1 р., тоже съ золот. 1 р. 35 к. Во 2-мъ изданіи *Одобр. Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ для народн. чтенія и Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для библіот. всѣхъ народн. училищъ.

Изъ жизни растеній. Состав. по Вагнеру и др. *Вал. Висковатовъ.*

Съ рисунками. Ц. 1 р., въ переплетѣ съ золот. 1 р. 50 к.

Иллюстрированные Библейскіе разсказы для народнаго чтенія. Состав. *Ѳ. Пуцыковичъ*: **Сотвореніе міра.** 6 к. **Праотцы-Патріархы,** 10 к. **Іосифъ Прекрасный,** 7 к. **Моисей,** 10 к. **Самсонъ,** 5 к. **Соломонъ,** 7 к. **Іудиѳь,** 7 к. **Руѳь,** 5 к. **Іовъ,** 7 к. **Товитъ,** 6 к. **Есѳирь,** 6 к. **Іисусъ Навинъ,** 7 к **Древніе Пророки,** 10 к. *Одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для народнаго чтенія и Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для библіотекъ всѣхъ народныхъ училищъ.* **Новые Библейскіе разсказы.** Сост. *Ѳ. Пуцыковичъ:* **Гедеонъ** и **Іефѳай,** судьи израильскіе. Ц. 5 к. Пророкъ **Самуилъ,** Ц. 5 к. **Саулъ,** первый царь израильскій. Ц. 8 к. Царь и пророкъ **Давидъ-Псалмопѣвецъ.** Ц. 8 к. Пророкъ **Даніилъ.** Ц. 7 к. **Ездра** и **Неемія.** Ц. 6 к. **Іуда Маккавей.** Ц. 7 к.

Иллюстрированный сборникъ описаній интересныхъ явленій въ области природы, наукъ и искусствъ. Ц. 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 60 к.

Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ. Съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Маленькіе чистильщики улицъ. Разсказъ изъ книги „Дѣтскій Сборникъ". Сост. Сорокинъ. Ц. 10 к.

Молодильныя яблоки. Сказка-поэма *В. П. Авенаріуса.* Съ рисунками. Ц. 10 к. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки средн. и низшихъ классовъ средн. учебныхъ заведеній.

Муравей. Литературный сборникъ для дѣтей средн. и старшаго возраста Ц. 1 р. 50 к.

На память о Жоржъ-Зандъ. 2 разсказа для дѣтей: Говорящій дубъ и Грибуль. Съ портр. автора и картинами. Ц. 1 р.

Наслѣдникъ дяди Честертона. Романъ для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ англійскаго *Н Азбелева.* Со множествомъ большихъ картинъ и рисун. Ц. 2 р. въ перепл. съ золот. 2 р. 50 к.

Наше житье. Разсказы для юношества. сост. В. Сорокинъ. Ц. 45 к. *Содержаніе:* Деревня.—Село.—Волость.—Станъ.—Уѣздъ.— Городъ.—Уѣздный городъ.—Губернія. — Губернскій городъ.—Дворянство. —Столица.—Государство.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. Сост. *А. Коваленская.* Съ 10-ю отдѣльными большими картинами и др. рисунками. Ц. 1 р. 75 к., въ красив. папкѣ 2 р , въ переплетѣ съ золотомъ 2 р. 50 к.

Норвежскія сказки. 15 сказокъ Ц 1 р.

Обрусители. Романъ изъ общественной жизни западнаго края, Н. Ланской. Въ 2 частяхъ. Изд. 3-е, исправленное. Ц. 1 р. 25 к.

Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть. *В. П. Авенаріуса.* Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб.

Отъ Рождества до Пасхи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Выпускъ I.—**На Рождество.** Съ рисунк. и портретами. Ц. 1 р. Вып. II.—**На Новый годъ.** Съ рисунками и портретами. Ц. 1 р. Оба выпуска въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. Допущены особымъ отдѣломъ *Ученаго Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученич. библіотеки.

Очерки современнаго Египта. Передѣлано для юношества изъ романа Эдм. Абу: «Феллахъ Ахметъ», *С. Самойловичъ.* Ц. 1 р. 50 к. Значится въ каталогѣ ученическихъ библіотекъ *среднихъ учебныхъ заведеній* вѣдомства *Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народн. школъ Герм. Вагнера. Перев *В. Висковатова.*

Книжка 1. Изд. 7. съ рис. Ц. 1 р.; тоже, Книжка 2. Изд. 5, съ карт. Ц. 1.; тоже. Книжка 3. Изд. 3, съ карт. Ц. 1 р. *Одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для библ. при начальн. народн. училищ.

Полное собраніе сказокъ Андерсена. Съ картинами, въ красивыхъ папкахъ: т. 1-й, переводъ *Петра Вейнберга*, изд. 6-е. Ц. 1 р. 75 к. т. 2-й, перев. *Марка Вовчка*, издан. 4-е. Ц. 2 р.; т. 3-й, перев. *Майковой*, съ портретомъ автора. Ц. 2 р.

«Послѣ труда». Литературный сборникъ для дѣтей. Съ картин. Ц. 1 р.

Разскажите мнѣ что-нибудь и покажите картинки. Сост. *В. Андреевская.* Со множест. рисунковъ. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. съ золот. 2 р.

Разсказы изъ исторіи и миѳологіи грековъ по Гомеру. Профессора Вильмана, перев. *И. Виноградовъ*. Ц. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено* для ученическихъ библіотекъ гимназій мужск. (младшій возрастъ) и женск. (оба возраста) и вообще для среднихъ учебныхъ заведеній,

Разсказы и сказки для дѣтей. Сост. *А. Коваленская.* Съ 6 отдѣльн. большими силуэтами Е. Бемъ и др. виньетками. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к.,, въ переплетѣ съ зол. 2 р. 75 к.

Разсказы о Петрѣ Великомъ. Съ рисун. и портретомъ Петра Великаго. Сост. Сорокинъ Изд. 2-е, исправленное. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к., въ коленкор. перепл. съ золот. 1 р.— *Допущено Ученымъ Комит. Мин. Народн. Просв.* для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

Сборникъ игръ для дѣтей, съ рисунками. Сост. Игнатовичъ. Изданіе 2-е, дополненное. Ц. 1 р.

Святочные разсказы. И. Н. Познякова: I. Кичливая и счастливая, Ц. 10 к.; II. Безъ елки, Ц. 5 к. III. Мятель, Ц. 10 к.; IV. Святой Николай, Ц. 10 к.; V. Малышъ, Ц. 5 к.; VI. Изъ милаго далека, Ц. 20 к.; VII. Происшествіе. Ц. 10 к.

Святыя мѣста земли Русской. **Соловецкій монастырь.** *С. Максимова.* Съ рисунками. Изданіе 4-е. Ц. 10 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.* для ученическ. библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Семь новыхъ сказокъ. Сост. *А. Коваленская.* Съ отдѣльными картинами и друг. рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 40 к., въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к.

Сказка о Муравьѣ-Богатырѣ. Разсказъ для дѣтей. *В. П. Авенаріуса.* Съ рис. Н. Каразина. Новое 3-е изд. Ц 50 к. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 том. Ц. 12 р.

Сочиненія Д. И. Стахѣева: 1). Домашній очагъ, романъ. Издан. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. 2) Законный бракъ, романъ. Издан. 2-е. Ц. 80 к. 3) Походы на доходы, повѣсть. Издан. 2-е. Ц. 60 к.

Что окружаетъ насъ? Чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возвраста. Сост. *Ф. Резенеръ*, издан. 2-е, значительно дополнен., большой томъ убористой печати, 613 стр. Ц. 2 р., въ переплетѣ съ золот. 2 р. 75 к. Допущено *Ученымъ Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія* въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Школьный Шекспиръ. Біографія Шекспира. Гамлетъ, принцъ Датскій. Критическія статьи Бѣлинскаго и Тургенева о Гамлетѣ. Съ портретомъ Шекспира и 9 другими рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 1 р., въ коленкор. перепл. съ золот. 1 р. 60 к.

Книги, составленныя А. Н. Острогорскимъ:

Въ своемъ кругу. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, исправл., съ рисунк. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. съ золот. 2 р. *Одобрено Ученымъ Ком Мин. Нар. Просвѣщенія.*

Дѣтскій альманахъ. Сборникъ разсказовъ. Изд. 3-е, исправл., съ рисунками. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ колен перепл. съ зол. 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.*

На Досугѣ. Этюды по естествознанію. Съ рисунк. Изд. 2-е Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к, въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

По бѣлу-свѣту. Сборникъ разсказовъ. Изд. 3-е, исправ., съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ коленк. перепл. съ золотомъ 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Среди природы. Съ рисунками. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкоров. переплетѣ съ золотомъ 2 р.

У рабочихъ людей. Сборникъ разсказовъ. Изд. 2-е, исправ., съ рисунками. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія.*

Отдѣл. выпуски разсказовъ изъ трехъ книгъ:

Альпійская горная область, разсказъ. Ц. 10 к. **Восхожденіе Соссюра на Монбланъ**, разсказъ. Ц. 10 к. **Листокъ бумаги и старыя книги**, два разсказа. Ц. 10 к. **Безпокойная ночь**, разсказъ. Ц. 10 к. **Георгъ Краббъ**, англійскій поэтъ. Ц. 10 к. **Прерванная вечеринка**, разсказъ. Ц. 10 к. **Дробинка**, разсказъ. Ц. 10 к. **Рыбы**, два разсказа. Ц. 10 к. **Рыбаки на Волгѣ**, три разсказа. Ц. 10 к. **Друзья и враги сельскаго хозяина**, разсказъ. Ц. 10 к. **Польза приученія животныхъ**, разсказъ. Ц. 10 к. **Первобытные лѣса**, разсказъ. Ц. 10 к.

Иллюстрированные романы Вальтера Скотта, ВЪ ПОЛНОМЪ ПЕРЕВОДѢ:

Томъ I. Вэверлей; т. II. Гай Маннеринъ; т. III. Антикварій; т. IV. Робъ-Рой; т. V. Айвенго; т. VI. Ламермурская невѣста; т. VII. Кенильвортъ; т. VIII. Пуритане; т. IX. Эдинбургская темница, или сердце средняго Лотіана. **т. X. Монастырь**; Въ каждомъ томѣ болѣе **500** стр., съ 2 карт. и около **50** полит. Каждый томъ продается отдѣльно по 3 р. 50 к. **Тоже т. XI. Аббатъ**. Съ двумя карт. и 37-ю политип. въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Незабвенный русскій критикъ Бѣлинскій сказалъ о романахъ Вальтера Скотта слѣдующія слова, и донынѣ не теряющія своего значенія: «Вальтеръ Скоттъ равно увлекателенъ и назидателенъ. Чтеніе его романовъ проливаетъ въ душу какое-то доброе и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткое, успокоительное чувство· очаровывая фантазію, оно образуетъ сердце и развиваетъ умъ, потому, что поэзія В. Скотта не эксцентрическая, не мечтательная и не болѣзненная... Для молодыхъ людей особенно полезны романы В. Скотта; увлекая ихъ въ міръ поэзіи, они не только не отвлекаютъ ихъ отъ науки, но еще воспитываютъ и развиваютъ въ нихъ историческое чувство, безъ котораго изученіе исторіи безплодно.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 12 Ноября 1892 г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч. 39.